

1910 г.

№ 2.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ФИНЛЯНДСКІЙ СБОРНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ:

1. О ЦЕРКВИ (продол.) І. Веніаміна.
2. СОЛОВЕЦКІЙ СХИМОНАХЪ ЗОСИМА-ЧУДИНЪ—Архим. Никодима.
3. СТИХЪ НАШЕЛЪ. —Разск. В. Марскаго.
4. ВЫБОРГСКІЯ ТОРЖЕСТВА (слова, рѣчи, впечатлѣнія и пр.).
5. ВЗЯТИЕ ВЫБОРГА. Историческая замѣтка В.
6. НУЖДЫ И УТѢШЕНИЕ СѢВЕРНОЙ ОКРАИНЫ—(корресп. о школахъ, монастыряхъ, благотворной помощи и пр.).
7. ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ФИНЛЯНДСКИЙ
СБОРНИКЪ.

1910 — № 2.

Печатать разрѣшается. Цензоръ Протоіерей Н. Никольскій.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стран.
1. О ЦЕРКВИ—(продол.) І. Веніамина	1
2. СОЛОВЕЦКІЙ СХИМОНАХЪ ЗОСИМА-ЧУДИНЪ.— Архим. Никодима	15
3. СТИХЪ НАШЕЛЪ. Разсказъ В. Марскаго	19
4. НУЖДЫ И УТѢШЕНІЕ СѢВЕРНОЙ ОКРАИНЫ (кор- респ. о школахъ, монастыряхъ, благодатной помощи и пр.).	31
5. ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА	40

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. О ПЕРВЫХ (показ.) I. Введение 1
2. ГОЛОВНОЙ СЕРИОЗНЫЙ ВОЗРАСТ 15
3. СТРУКТУРА ПЕРВЫХ ПЕРИОДОВ 19
4. ПЕРВЫЕ ПЕРИОДЫ ПЕРВЫХ ПЕРИОДОВ (показ.) 31
5. ПЕРВЫЕ ПЕРИОДЫ ПЕРВЫХ ПЕРИОДОВ 40

О ЦЕРКВИ. *)

Единеніе въ благодатной любви.

Итакъ, неизмѣнность, единство ученія и жизни духовной—вотъ первый и, такъ сказать, осязательный, всѣмъ намъ понятный признакъ истинной Церкви Христовой, руководимой Единымъ Духомъ Святымъ, а слѣдов.,—и первое условіе, первое—по времени или *въ порядкѣ*—требованіе отъ желающихъ вступить въ Церковь или находящихся въ нѣдрахъ ея: прежде всего вѣруй одинаково съ Церковью, принимай и, какъ зѣницу ока, храни нерушимымъ ея ученіе о догмахъ, о таинствахъ, о духовной жизни, объ уставѣ, канонахъ и пр. И уже этимъ однимъ будетъ достигаться до извѣстной степени то объединеніе человѣчества въ одну Божью семью, къ чему и предназначена Церковь.

Но однакоже это единство не есть еще самое главное и дѣйственное, не первый — *по существу* — признакъ истинной Церкви Христовой. Можно сказать, что признакъ единства церковнаго вѣросознанія есть признакъ по преимуществу *формальный*, внѣшній, — и какъ таковой, онъ не способенъ еще срастить, спаять людей въ Тѣло Христово. Это единство есть еще, такъ сказать, единоуміе, а не единодушіе въ собственномъ смыслѣ этого слова.

И это вполне понятно. Каждому изъ насъ извѣстно, что, конечно, и умъ, единство убѣжденій имѣютъ большое значеніе въ дѣлѣ сближенія людей. Такъ, напр., люди, объединившіеся вокругъ какой-либо идеи, входятъ въ общеніе, въ союзы, въ содружества. Даже разбойники, задавшись общей цѣлью грабежей, живутъ общинно, болѣе или менѣе дружно, сплоченно.

Но насколько истинно, дѣйствительно и крѣпко это единство? Несомнѣнно, оно не глубоко. Извѣстно, что и разбойники, видимо сплоченные, когда дѣло касается общихъ всѣмъ, а слѣд. эгоистическихъ интересовъ, — на самомъ дѣлѣ, въ сущности говоря, люди чужіе другъ другу, лишь случайно столкнувшіеся ради корыстныхъ цѣлей: при первомъ же разногласіи въ раздѣлѣ награбленной до-

*) Продолженіе, — см. № 1-й Сборника.

бычи они съ такимъ же жестокимъ ненавистничествомъ готовы пустить ножъ и другъ противъ друга.

Разумѣется, въ нашей обычной общественной жизни этого не бываетъ въ такой грубой варварской формѣ. Но ни для кого не секретъ, что члены какого-либо философскаго общества, или археологическаго союза, такъ повидимому любезно встрѣчающіеся и единодушно старающіеся раскопать историческій смыслъ какого-нибудь слова «зубояжъ», — означаетъ ли оно драку зубами или просто питаніе убоиной, — въ сущности тоже не особо близкіе люди: съѣхались — поговорили, разѣхались — забыли.

Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды ходить такъ далеко за примѣрами: стоитъ только посмотрѣть не дальше, какъ на ближайшихъ своихъ 5—10 знакомыхъ, съ которыми мы — волей Промысла и теченіемъ жизни — сведены дѣлать одно общее, нерѣдко весьма идейное, дѣло. Та же исторія археологическая: сошлись — будто и свои, разошлись — и снова не желаемъ знать другъ друга, — а если и знаемъ, то въ душѣ мало сочувствуемъ тому, что дѣлается за дверью нашей, хотя дверь квартиры товарища по общему дѣлу какъ разъ, можетъ быть, противъ нашей двери за два всего лишь шага и даже на одной лѣстницѣ.

Примѣровъ подобнаго рода слишкомъ много для того, чтобы утомлять вниманіе описаніемъ ихъ.

Итакъ, кратко можно сказать, что всякое «единоуміе», единство идей, хотя и сближаетъ людей, но не существенно. Можно лишь сказать, что оно только ведетъ къ настоящему единенію, есть лишь *начало* его. Въ частности, несомнѣнно, и единство вѣры въ той или иной степени сближаетъ вѣрующихъ, соединяетъ ихъ. «Мірской дружбѣ, — говоритъ, напр., св. Василиій Великій, — нужны глаза и свиданіе (сѣзды и пр.), потому что симъ полагается начало къ привычкѣ; умѣющіе же любить духовно не прибѣгаютъ къ плоти для снисканія дружбы, но *общеніемъ вѣры приводятся къ духовному союзу*». (VI, 274).

Однакоже истинное «сращеніе» въ Тѣло Христово основывается не на этомъ, т. е. вообще, не на сознаніи, не на умѣ, а на *чувствѣ* (эмоціи). Мы всѣ знаемъ, что чувства способны несравненно сильнѣе сплотить людей. Радость, горе, общая опасность, національное чувство, родственное — всѣ они гораздо уже больше, чѣмъ умъ, идеи, сплавливаютъ, такъ сказать, людей въ одно цѣлое. (Потому то, — замѣтимъ, между прочимъ, — Церковь и защищаетъ здравую національную любовь противъ пустого, холоднаго космополитизма Толстыхъ, анархистовъ, социалистовъ и пр., лишь бы она не переходила въ фанатическую ненависть къ чужимъ народамъ).

Но и чувства у людей бываютъ разныя: иные объединяются, напр., чувствомъ мести къ убійцѣ своего родственника, — другіе — чувствомъ ненависти къ нежелательному почему-либо имъ образу правленія и т. д. Но подобнаго рода чувства все же не объединяють по существу людей: — они лишь временно, для достиженія какихъ либо цѣлей, дѣйствуютъ единодушно, а на самомъ дѣлѣ сердца ихъ — тоже чужія другъ другу. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ студентовъ либеральнаго направленія въ откровенную минуту разсказалъ о себѣ слѣдующее. Однажды на углу Невскаго проспекта полицейскій хотѣлъ арестовать одну женщину. Та закричала неистовымъ воплемъ, мож. б., намѣренно желая обратить на себя вниманіе проходящихъ. Дѣло было какъ разъ въ «освободительные» несчастные годы. Собралась, конечно, толпа народу. Разумѣется, она сразу же стала на защиту «угнетаемой» и противъ «угнетателя», «представителя стараго режима», — совершенно даже не разбирая причинъ происходящаго. И я, — разсказывалъ студентъ, — страшно былъ озлобленъ въ этотъ моментъ на полицейскаго и совершенно слился въ чувствахъ съ толпой, хотѣвшей отбить женщину. Но все же ее арестовали, кажется. Теперь, обсуждая этотъ фактъ, — продолжалъ онъ, — я пришелъ къ выводу, что мной собственно руководило не чувство любви къ той женщинѣ, а чувство протеста и злобы по отношенію къ непріятному тогда для меня — полицейскому. — Поэтому ничуть не удивительно, что такъ скоро слившаяся, повидимому, толпа такъ же скоро и разбилась снова на мелкіе кусочки, совершенно чужіе другъ другу: такъ зимній вѣтеръ то сгонитъ холодныя снѣжинки въ одну кучу, то снова ихъ разобьетъ въ мелкую пыль вьюги.

И только одно чувство истинно спаиваетъ, подобно свинцу, души людскія, — это чувство — *любовь*. Любовь крѣпка, какъ смерть, — говоритъ и человѣческое наблюденіе. Въ самомъ дѣлѣ, любовь такъ объединяетъ людей, что у нихъ и мысли, и желанія, и поступки становятся общими, едиными. Объ этомъ дѣйствиіи любви свидѣлствуетъ Ап. Павель, говоря о мужѣ и женѣ, что они становятся какъ бы одною плотью, однимъ тѣломъ, однимъ человѣкомъ (Еф. V, 31). До такой степени тѣсной становится связь двухъ людей, вчера еще, быть можетъ, бывшихъ другъ другу чужими. А одинъ писатель (И. Потапенко) построилъ на этомъ даже цѣлую, конечно, фантастическую, теорію, будто въ мірѣ блуждаютъ все половинки душъ; и вотъ каждая ищетъ свою потерянную половинку, и если найдетъ, то почувствуетъ блаженство гармоніи. Конечно, все это пустой вымыселъ досужаго ума. Но одно лишь несомнѣнно здѣсь, что любовь такъ сращиваетъ души, что почти ясно чувствуется, будто существо любящаго проходитъ насквозь,

проникаетъ любимаго; чувствуется, что его переживанія дѣлаются твоими, что будто не одинъ онъ страдаетъ или радуется, а и ты съ нимъ живешь тѣми же чувствами; короче сказать, любовь именно изъ двухъ, изъ многихъ дѣлаетъ какъ бы одного.

И вотъ это—то свойство духа человѣческаго и является существеннымъ, т-е. сказать, *матеріальнымъ* признакомъ Истинной Церкви Христовой, какъ и говоритъ Ап. Павелъ вслѣдъ же за приведенными словами о мужѣ и женѣ: «тайна сія велика», она даже изумляетъ Апостола: «я же говорю въ Христа и въ Церковь» (ст. 31) Т. е., любовь между мужемъ и женой является лишь отображеніемъ или подобіемъ той подлинной любви, которая существуетъ между Христомъ—Главой и Церковью—Его Тѣломъ и которая является для супруговъ идеаломъ.

Къ этому, до извѣстной степени для всѣхъ насъ понятному уясненію значенія любви, мы должны прибавить и другое, очень простое соображеніе: всѣ тѣ, которые желаютъ спокойно, счастливо жить съ кѣмъ бы то ни было, непременно должны пріобрѣсти взаимную любовь другъ къ другу. Тѣмъ болѣе уже необходима эта любовь для жизни въ Царствіи Божіемъ. Тамъ, гдѣ должны быть и будутъ блаженство и миръ, «превосходящіе всякій умъ»,—не только никоимъ образомъ не можетъ быть и тѣни несогласія, разномыслія, раздора, но именно нужна чистѣйшая, единоклубная любовь, насаждать, растить и укрѣплять которую и предназначена Церковь земная.

Но, кромѣ того, эта любовь имѣетъ для себя еще большую опору—таинственную, Божественную. Единый истинно Блаженный есть лишь Господь, все же остальное постольку получаетъ это блаженство, поскольку причащается къ Самому источнику его—Богу; подобно тому, напр., какъ соломинка тогда лишь загорается, когда соприкоснется къ пылающему уже огню и отъ него «займется». Любовь же составляетъ какъ бы самое существо Божіе или самое главное свойство Его природы; какъ свидѣлствуетъ объ этомъ Самъ Спаситель: «никто же благъ, *только* одинъ Богъ» (Мф. XIX, 27); а возлюбленный ученикъ Его прямо говоритъ, что «Богъ есть любовь» (1 Иоан. VI, 16). Но особенно важна для уясненія этого вопроса прощальная бесѣда и преимущественно первосвященническая молитва Господа. Передъ Своею смертью, передъ окончаніемъ всего Своего дѣла, Спаситель молился Отцу Своему именно о томъ, для чего Онъ и приходилъ на землю: «Молю,—говорилъ Онъ,—о вѣрующихъ въ Меня; да будутъ всѣ едино»,—Какъ же именно «едино»? «Какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино». (Ио. XVII, 20—21). Какимъ же образомъ представить намъ, хотя бы отчасти, какъ чрезъ зеркало (1 Кор.

ХН, 13), эту возможность такого наитѣснѣйшаго соединенія Сына со Отцомъ, а слѣдовательно и со Святымъ Духомъ, отъ Отца исходящимъ и чрезъ Сына посылаемымъ (Іоан. XV, 26)? Какъ возможно единство при Троичности? Конечно, совершенно очевидна для каждаго изъ насъ непостижимость по существу этой величайшей тайны Божественной жизни. Но указанное Богословомъ опредѣленіе: «Богъ есть Любовь» даетъ намъ хоть нѣкоторую возможность проникнуть отчасти въ эту тайну. Если любовь, какъ мы разъясняли выше, даже въ нашей жизни есть начало, какъ бы сливающее любимыхъ людей въ «одну душу» (Дѣян. IV) «въ едину плоть», (Еф. V, 32); то тѣмъ несравнимо болѣе тѣсно соединеніе чрезъ несравненно превосходнѣйшую любовь между Лицами Пресвятыя Троицы, съ тою лишь существеннѣйшею разницею, что люди и при самой высокой любви своей къ Богу и другъ къ другу, хотя и сливаются «въ одинъ духъ» (Еф. IV, 4), но все же по самому существу своей природы остаются обособленными: между тѣмъ, какъ мы изъ «начатковъ» научились еще вѣровать, — «Богъ единъ есть по существу, а Троиченъ въ лицахъ», — такъ что не три Бога, а одинъ Богъ *).

А если же любовь составляетъ, хотя и не самое существо, то все же главнѣйшее свойство содержанія жизни Божественной Троицы, то совершенно необходимо, чтобы это же именно самое свойство возгрѣвали и укрѣпляли въ себѣ тѣ, кои желаютъ блаженствовать въ Царствѣ Троицы.

И прежде всего мы должны приобрѣтать *любовь къ Богу*, какъ главное содержаніе не только настоящей, но и будущей нашей жизни: «любовь никогда не перестаетъ» говорить Ап. Павелъ (I Кор. XIII, 8). А вмѣстѣ съ тѣмъ — должны стяжать и *любовь къ ближнимъ*. Последняя же любовь возможна собственно лишь при первой, т. е. любви къ Богу. Взаимоотношеніе этихъ двухъ видовъ любви настолько тѣсно, что Господь даже не раздѣляетъ собственно ихъ, а говоритъ законнику, что заповѣдь о любви къ Богу первая и главнѣйшая, а вторая заповѣдь — о любви къ людямъ — лишь подобна первой (Мѡ. XXII, 39), а не есть какая либо самостоятельная. Не будемъ приводить теперь въ доказательство этой мысли изреченій святыхъ отцовъ, сошлемся прямо на опытъ. Жизнь святыхъ, этихъ истинныхъ боголюбцевъ, давала и даетъ намъ безчисленные примѣры и великой самоотверженной

*) Однако сказанное нами значеніе любви настолько существенно для уясненія догмата Пресвятой Троицы, что нѣкоторымъ богословамъ даетъ основаніе учить, — что догматъ Троицы есть метафизическое опредѣленіе или выраженіе закона любви. Но разумѣется, это говорится не точно, а лишь приблизительно, приспособительно, для уясненія величайшей тайны человѣческому ограниченному уму. Поэтому придавать подобнымъ попыткамъ человѣческаго разума значеніе полного, существеннаго раскрытія природы Божественной — нельзя.

любви къ ближнимъ; наоборотъ, невѣріе ведетъ къ гордости, самообожествленію, обособленію, эгоизму. Это такой фактъ, который мы можемъ видѣть постоянно и на окружающихъ и испытывать на себѣ самихъ: кто истинно любитъ Бога, тотъ всенепремѣнно будетъ истинно и любить ближняго.

Вотъ это любовь къ Богу и ближнимъ и возводитъ человѣка въ то идеальное состояніе блаженства единодушія, для котораго онъ первоначально и былъ созданъ, какимъ пребывалъ до грѣхопаденія, и какимъ возсоздать его приходилъ Спаситель. Объ этомъ прекрасно говоритъ св. Василій Великій. «Возлюбивъ общеніе и совокупную жизнь,—указываетъ онъ на истинныхъ монаховъ, какъ представителей истинной Христовой Церкви,—*возвращаются они къ тому, что по самой природѣ хорошо*. Ибо то общеніе жизни называю совершеннѣйшимъ, изъ котораго исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположеній, въ которомъ съ корнемъ истреблены всякое смятеніе, споры и ссоры, все же—общее: и души, и расположенія, и тѣлесныя силы, и что нужно къ питанію тѣла и на служеніе ему, и въ которомъ одинъ общій Богъ, одна общая купля благочестія, общее спасеніе, общіе подвиги, общіе труды, общіе вѣнцы, въ которомъ *многіе составляютъ одного*, и каждый не одинъ, но въ ряду многихъ».

«Что равняется сему житію? Но что и блаженнѣе онаго? Что совершеннѣе такой близости и таково единенія? Что пріятнѣе этого сліянія нравовъ и дущъ? Люди, подвижническіе изъ разныхъ племенъ и странъ, привели себя въ такое *совершенное тождество, что во многихъ тѣлахъ видится одна душа*, и многія тѣла оказываются орудіемъ одной воли... Они въ равной мѣрѣ и рабы и господа другъ другу и съ непреодолимою свободою взаимно оказываютъ одинъ передъ другимъ совершенное рабство, которое съ радостью производится свободою произволенія, когда любовь подчиняетъ свободныхъ другъ другу и охраняетъ свободу самопроизволеніемъ. *Богу угодно было, чтобы мы были такими и въ началъ; для этой цѣли и сотворилъ Онъ насъ*. И они—то (иноки, и вообще истинные христіане), изглаживая въ себѣ грѣхъ праотца Адама, возобновляютъ *первобытную доброту*, потому что у людей не было бы ни раздѣленія, ни раздоровъ, ни войны, если бы грѣхъ не разсѣкъ естества. Они—то суть точные подражатели Спасителю и Его житію во плоти... Они—то соревнуютъ жизни Ангеловъ... Они—то ясно показали жизни человѣческой, сколько благъ принесло намъ Спасителево вочеловѣченіе, потому что расторгнутое и на тысячи частей разсѣченное естество человѣческое, по мѣрѣ силъ своихъ, снова приводятъ (они) *въ единеніе и съ самимъ собою и съ Богомъ*. Ибо это главное въ Спасителевомъ

домостроеніи во плоти—привести человѣческое естество въ единеніе съ самимъ собою и съ Богомъ Спасителемъ и, истребивъ лукавое сѣченіе, возстановить первобытное единство; подобно тому, какъ наилушій врачъ цѣлительными врачествами вновь связываетъ тѣло, расторгнутое на многія части... Здѣсь *всѣ единомысленны... воздемы и бластителемъ единенія содѣловъ Слово, которое крѣпче природы, и связуемые союзомъ Святого Духа*. Можно ли въ чемъ земномъ найти какое подобіе къ изображенію совершенства этой добродѣтельной жизни? Но въ земномъ нѣтъ никакого подобія, *остается одно подобіе горнее... Любовь связуетъ горнихъ*, любовь и сихъ привела въ согласіе другъ съ другомъ... О нихъ то Пророкъ Давидъ восклицалъ пѣсенно, говоря: «се что добро или что красно, еже жити братіи вкупѣ» (Пс. 132, 1), словомъ: «добро» изображая достохвальность жизни, а словомъ «красно» — веселіе, производимое единомысліемъ и согласіемъ» (Т. V, 358—361).

Эта любовь и сплавляетъ вѣрующихъ въ то тѣло Церкви, о которомъ говорилъ образно Ап. Павелъ, сращаетъ вѣтви—людей съ Лозой—Христомъ, по собственному сравненію Спасителя. «Мы чтители Единаго,—говоритъ св. Григорій Богословъ,—стали едино, мы *читители Троицы, такъ сказать, срослись между собой*, стали единокорны и равночестны», «принадлежимъ уже къ тому же стаду и единому Пастырю», (т. I, с. 179). Словами «такъ сказать» великій Богословъ хочетъ показать, именно, что это «сращеніе» есть лишь близкое сравненіе, подобіе духовнаго единенія во образъ единства Троицы,—о чемъ и говорятъ непосредственно слѣдующія затѣмъ слова и сравненіе со стадомъ и Пастыремъ.

Эту идею Церкви, объединяющей людей чрезъ любовь, подмѣтилъ такой далекій отъ Церкви и даже враждебно-настроенный къ ней писатель, какъ Максимъ Горькій, въ пасхальномъ разсказѣ «Утра Россіи»: «До полного». Этотъ разсказъ кажется намъ интереснымъ, такъ что мы рѣшаемся сдѣлать довольно подробныя выдержки изъ него.

«— Это я понимаю, Алеша... Это, дѣйствительно! Существуетъ,—говоритъ главный герой разсказа —Оома, рабочій.

Сухой, ехидный Сомовъ, товарищъ его, прищуривъ зеленоватые глаза и поджимая губы, спрашивалъ:

— Что существуетъ?

— Это самое—влеченіе къ соединенію человѣковъ—это есть! Примѣрно, я: мнѣ все равно—крестный ходъ, пожаръ, гулянье,—вообще, ежели гдѣ народъ собрался, то меня туда нестерпимо тянетъ! Народъ! Вотъ тоже церковь,—почему я въ церковь люблю ходить. Собраніе душъ, потому что!

— Это пройдет съ тобой! — пообѣщаль Алексѣй, усмѣхаясь: Когда ты усвоишь идею...

Оома ударилъ себя въ грудь кулакомъ, радостно воскликнулъ:

— Я ее усвоилъ! Вотъ она, тутъ! Ее-то я прежде всего и схватилъ. Теперь она для меня, какъ Божья Матерь всѣхъ скорбящихъ радость...

— Поѣхалъ!

— Нѣтъ, погоди: приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные — такъ? Она?

— Да вѣдь это, чудакъ ты, Евангеліе!

— Ничего не значить! Она, я такъ понимаю, вездѣ одна и та же. Ризы разные, рисунокъ разный, а образъ одинъ! *Матерь любви одна!* Вѣрно?

Когда Алексѣй сердился, его верняя губа поднималась вверхъ, острый носъ вздрагивалъ и зеленые зрачки округлялись, точно у птицы. Сухимъ голосомъ, — который на верхнихъ нотахъ странно трещалъ, — и какими-то щелкающими словами Алексѣй подробно и внушительно убѣждалъ товарища, что онъ — утопистъ, что въ немъ спать классовое сознаніе и, можно думать, не проснется оно никогда, ибо Оома воспитывался въ домѣ священника, гдѣ мать его служила кухаркой и гдѣ ему отравили душу «буржуазными» предразсудками и суевѣріями.

— Алешъ! — убѣдительно восклицалъ Оома. — Ей-Богу, нисколько не отравили! Совсѣмъ наоборотъ... Маленькій, я даже, напимѣрь, не ходилъ въ церковь. Господи, ну, развѣ стану я тебѣ врать? Это ужъ потомъ вотъ, когда я началъ читать и вообще — ну, потянуло меня къ людямъ! Тутъ — не церковь, (т. е. не храмъ и іерархія), а, понимаешь, *спайка душъ!* Идея тутъ! О чемъ разговоръ идетъ? Братцы, постыдитесь, развѣ можно такъ жить? Развѣ вы звѣрье? *Внушеніе любви и совѣсти*, Алеша, *вотъ — главное*, какъ я понимаю... Вѣрно?

— Нѣтъ, это не вѣрно. — Алексѣй, сердясь, все больше кипѣлъ, на скулахъ у него являлись багровыя пятна, и Оомѣ часто казалось, что онъ щелкаетъ его словами по носу, точно картами при игрѣ въ носки.

Оома смущенно молчалъ, потирая голову, порою виноватымъ голосомъ старался успокоить товарища:

— Я вѣдь, Алеша, понимаю! Конечно — борьба! Само собой разумѣется — тутъ ужъ держись!

Но, сбиваясь съ тона, вдругъ самъ начиналъ убѣдительно доказывать:

— Я вѣдь, видишь-ли, только насчетъ человѣка: человѣкъ вообще — что такое? Развѣ я — долото? Вѣдь ежели, скажемъ, тобой

долбить начать, такъ вѣдь по тебѣ молоткомъ стучають, — вотъ я насчетъ чего! Человѣкъ — не инструментъ, — вѣрно? И опять же: конечно — борьба! Что тамъ говорить: Но — апостольское-то, идея-то, которая всеобщая... *всемірное примиреніе*... чтобы на землѣ — миръ и въ человѣчѣхъ...

Иногда Алексѣй, замолчавъ, долго смотрѣлъ на товарища презрительно витаращенными глазами и, наконецъ, говорилъ, точно уши обрубая Оомѣ.

— Нѣтъ, ты глупъ! Путаная у тебя башка... навсегда это!

Иногда же угрожалъ ему, холодно и внушительно:

— Вотъ, погоди — скоро начнемъ читать исторію культуры, — увидишь!

Оома сокращался: непонятныя слова всегда нѣсколько угнетали его, возбуждая почтеніе къ людямъ, которые говорили ихъ и вызывали странные образы: утопія рисовалась ему кочковатымъ болотомъ, все оно покрыто чахлой зарослью и т. д.

Затѣмъ этотъ, по нашему мнѣнію, не «путаный», а весьма здравый философъ, дѣйствительно познакомился съ исторіей культуры отъ одной лекторши — барышни; но единство интересовъ рабочаго класса, борьба съ буржуазіей и пр. его не удовлетворили; ему хотѣлось истинной любви не на словахъ, не въ безконечномъ будущемъ, а на дѣлѣ, теперь.

— Я хочу вамъ сказать, — говорилъ онъ въ одной бесѣдѣ съ лекторшей на квартирѣ ея, — что это замѣчательно вѣрно: недобро человѣку жить одному... Конечно, единство интересовъ всѣхъ рабочихъ — это я понимаю очень хорошо, да вѣдь интересы — не все еще, за ними еще въ душѣ-то — сколько лежитъ! Человѣку обязательно хочется выговорить свою душу, показать ее въ полномъ праздничномъ облаченіи...

«Вѣрно? И вдругъ никто ничего не хочетъ слушать, и вдругъ — *одиночество души*... нѣмота и смерть мыслямъ! Я противъ этого возражаю: единеніе людей обязательно, — такъ. Единство интересовъ, хорошо-съ... и откуда же одиночество и нестерпимая тоска, подчасъ? Вотъ»...

Но на эту потребность любви онъ сначала слышалъ: «вы говорите такъ интересно... Мнѣ очень важно знать психику людей, которые... людей вашего класса», — затѣмъ получилъ характеристику «романтика», а наконецъ, полный разрывъ.

И Оома опять остался съ «одиночествомъ и нестерпимой тоской». Утопія культурныя утопили любовь.

Но здѣсь мы должны сразу же и рѣшительно оговориться. У насъ теперь повсюду говорятъ о любви къ человѣчеству, народу, ближнему. И въ нашемъ обычномъ житейскомъ обиходѣ нерѣдко

встрѣчается это слово. Подумаешь, что всё мы пламенѣемъ въ сердцахъ своихъ этой любовью *). Но какая это жестокая ошибка, какая фальшь, какое ослѣплѣніе! очи имѣемъ, и не видимъ, уши открыты, и не слышимъ.

Однажды, разсказывается въ Отечникѣ, братія стала бесѣдовать между собой о любви. А здѣсь присутствовалъ тогда старецъ Іосифъ. Слушалъ, слушалъ онъ рѣчи молодыхъ подвижниковъ, — да вдругъ и говорить имъ: *«Мы не знаемъ, что такое любовь»*. Вотъ образецъ любви, — Авва Агаѳонъ. Онъ говорилъ: «еслибъ возможно мнѣ было взять у кого-либо изъ прокаженныхъ его тѣло и передать ему мое, то сдѣлать это было бы для меня наслажденіемъ». Вотъ совершенная любовь. (Игн. Бр. Отеч. 56). И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только чуточку повнимательнѣе сердцемъ своимъ (а не умомъ, не изъ рѣчей, не изъ книгъ) прислушаться къ самой жизни, да опять таки не видимой, внѣшней (нерѣдко имѣющей видъ благотворительности), — нѣтъ, нужно всмотрѣться въ самое нутро, въ сердце человѣка, «ближняго», — и съ болью увидишь, что онъ очень далекъ, что это левитъ, спокойно проходящій мимо раненаго. Впрочемъ, нѣтъ нужды ходить за примѣрами къ другимъ. Всмотрись каждый самъ въ себя, и ты увидишь, что собственно *настоящей любви сердечной въ тебѣ не много*. Ну, ее хватить еще на часъ, на 10 минутъ, на небольшое дѣло, на ласковое слово, на короткую улыбку, на хорошія добрыя рѣчи, на безплодныя пожеланія, но чтобы *горѣть любовью* — такихъ очень и очень мало; чтобы «равно—душно» (Ис. 54, 14) т. е. съ одинаковымъ духомъ скорбѣть со скорбящими и радоваться съ радующимися, такіе, въ полной мѣрѣ т. е., страшно рѣдки.

Правда, мы совершенно не склонны соглашаться съ западными философами, будто собственно любви вовсе нѣтъ, а что все движется на эгоизмъ, на корыстолюбивомъ альтруизмъ, на борьбѣ за существованіе. Несомнѣнно это — грандіознѣйшая клевета на человѣчество, происходящая отъ гордаго сердца и однобокаго ума самихъ авторовъ, съ одной стороны, и отъ дѣйствительнаго оскудѣнія любви и отъ развитія себялюбивой чувственности и гордаго индивидуализма на маловѣрующемъ, буржуазномъ западѣ, съ другой. Но въ тоже время никакъ нельзя смотрѣть на все и черезъ розовыя очки «прогресса любви», — это тоже будетъ ложь. Истинной любви мало. Фактовъ тысячи вокругъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ разсказывалъ про себя, что къ нему нерѣдко приходять гости, его «друзья», какъ говорится, и какъ они искренне

*) А нѣкоторые осмѣливаются даже считать любовь признакомъ именно нѣшняго культурнаго вѣка «свободы, равенства, братства». Увы! эта «гуманность» только фальшивая поддѣлка истинной любви (см. прекрасную брошюру Л. А. Тихомирова: «Альтруизмъ и христіанская любовь»).

считаютъ другъ друга. Первая встрѣча бываетъ ласковая, милая, радостная. Загѣмъ—угощеніе, разговоры. Сначала, говорить онѣ, все идетъ хорошо, но потомъ чувствуется, что жаръ, который будто былъ въ тебѣ, куда то мало-по-малу исчезаетъ; и ты видишь, что еще нѣсколько времени, и у тебя не хватитъ настоящаго «вина» любви, а придется подать худшее, поддѣльное вино лишь ласковаго лица, словъ; а въ душѣ уже чувствуешь, что тамъ стало холодно, что стало трудно даже и говорить, и хочется, какъ можно поскорѣе, развязаться съ «другомъ»: «да уходи ты ради Бога скорѣе,—говоришь ты ему внутри,—иначе я не выдержу и совсѣмъ застыну; а то и раздражаться вмѣсто ласки начну».—Посмотрите, не бываетъ ли подобное почти постоянно—въ той или иной степени—и съ каждымъ изъ насъ?

Такимъ образомъ, мы рѣшительно и прямо должны посмотрѣть правдѣ въ глаза,—что настоящая *любовь* вещь, хотя и очень драгоценная, но, какъ и всякая драгоценность, и *очень редкая: любить—трудно*,—вотъ несомнѣнная аксіома безпристрастнаго человѣческаго самонаблюденія. Большею частью, люди похожи на снѣжинки, которыя въ морозную вьюгу летаютъ, сталкиваются другъ съ другомъ, собираются въ сугробы; но потомъ вѣтеръ снова разбиваетъ ихъ, и онѣ летаютъ холодныя, отдѣленные, самозамкнутыя, чужія другъ другу. Иногда морозъ,—т. е. дурныя чувства протеста, мести, ненависти, корыстолюбія и пр.,—даже сковываетъ ихъ въ твердую кору; но это не истинное, механическое, внѣшнее единеніе: снѣжинки все же одиноки, обособленны, такъ сказать, эгоистичны. И только, когда засвѣтитъ весеннее, теплое солнышко—любви, тогда лишь эти холодныя снѣжинки сливаются въ сплошную воду ручейковъ, рѣчекъ, морей.

Но для этого именно нужно небесное солнышко, нужно, чтобы та способность склеиться, слиться, которая заложена въ людяхъ, въ самой природѣ ихъ—одной, созданной по образу и подобию Божественной Троицы,—чтобы она раскрылась, осуществилась, привелась въ движеніе, оживилась. А такимъ небеснымъ животворящимъ солнцемъ служить, по ученію слова Божія, и по ясному опыту всякаго истинно-живущаго духовной жизнью христіанина, является *благодать Святаго Духа*: «любовь Божія излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ»,—говоритъ Ап. Павелъ (Рим. V, 5): «любовь—отъ Бога», говоритъ Апостолъ любви (1 Іоан. IV, 7).

Итакъ любовь христіанская, т. е. истинная, полная, любовь въ собственномъ смыслѣ этого слова, есть *любовь—благодатная*. «Истинную любовь, — пишетъ Василій Великій, — образуетъ даръ Духа, сочетавающій разлученныхъ дальнимъ разстояніемъ мѣста и дѣлающихъ друзей извѣстными другъ другу не по тѣлеснымъ чер-

тамъ, но по душевнымъ свойствамъ. Сіе, конечно, совершила Господня благодать и со мною, даровавъ мнѣ видѣть тебя (письмо къ Петру, Архіепископу Александрійскому) душевными очами, обнять истинною любовью и прійти съ тобою, какъ бы (!) въ одинъ составъ и въ совершенное единство общеніемъ въ вѣрѣ (Т. VI. 245—6). Поэтому Господь, хотя требовалъ и отъ самихъ учениковъ своихъ любви, но не оставилъ ихъ однихъ на собственные лишь силы, а обѣщалъ послать отъ Отца иного Утѣшителя, Духа Святаго, который и долженъ наставлять ихъ на всякую истину (Іоан. XVI 13). И Апостоль называлъ союзъ мужа и жены «тайной» также и потому, что, какъ любовь Христа и Церкви—есть дѣйствіе Духа, такъ и супружеская любовь—есть даръ того же Духа, подающаго Свою особую благодать въ таинствѣ брака *).

Но теперь естественно задать вопросъ: если истинная любовь такой рѣдкій, хотя и драгоцѣнный даръ, то гдѣ же, въ такомъ случаѣ, истинная Церковь, признакомъ которой, по существу, и должна именно служить, какъ мы выяснили, любовь?—Только тамъ, гдѣ всецѣло царствуетъ Духъ Святой, т. е. въ Церкви Небесной. Тамъ и есть собственно чистая Невѣста Христова—Церковь; тамъ лишь вполне любовь и правда живутъ, какъ говорилъ и Василий Великій. Земная же Церковь—лишь школа любви, лишь руководительница въ Церковь Небесную, *путь къ ней*. И для прозрѣнія этого пути въ земной Церкви, даны всѣ силы къ жизни вѣчной и благочестію (2 Пет. I, 3). Отъ насъ самихъ зависитъ воспользоваться ими. И дѣйствительно мы знаемъ, что *святые люди* здѣсь еще приобрѣтаютъ такую любовь къ Богу и ближнимъ, что по истинѣ (а не на словахъ, какъ большинство изъ трактующихъ теперь о любви) становятся небесными человѣками, земными ангелами,—уподобляясь въ любви самому Богу. Но подобное состояніе есть плодъ долгаго подвига, есть *удѣлъ людей совершенихъ, конецъ святости*. Объ этомъ совершенно ясно учатъ Св. Отцы. Св. Іоаннъ Лѣстничникъ поставляетъ любовь прямо на послѣдней 30 ступени своей духовной лѣстницы: «любовь безстрастіе, сыноположеніе (т. е. усыновленіе Богу) различаются между собою одними только названіями». (Сл. 30, 9).

А всѣ остальные члены Церкви земной лишь *отчасти* обладаютъ этимъ благодатнымъ даромъ, должны лишь стремиться вся-

*) Отсюда выясняется великое значеніе брака вообще, а также и того, почему Церковь взяла его подъ свой покровъ, именно какъ таинство: бракъ служитъ воспитанію любви, какъ главной цѣли этой жизни для укрѣпленія и очищенія которой (любви) и дается благодать Св. Духа. Посему отрицающіе его, какъ таинство, отсѣкаютъ, т. сказ., самое сердце любви—благодать.

чески къ тому, чтобы воспитывать себя постепенно въ мѣру этого возраста любви Христовой. Къ этому созиданію любви и стремится Церковь здѣсь, всяческими средствами *).

Изъ раскрытаго нами вопроса о любви, между прочимъ, получается нѣсколько весьма нужныхъ въ практическомъ отношеніи и важныхъ для разсматриваемаго вопроса о Церкви — выводовъ.

Прежде всего, разъ навсегда мы должны бросить легкомысленную игру въ слово «любовь», зная, насколько дѣйствительно рѣдка и истинно драгоценна эта жемчужина, ради которой должно продать всѣ сокровища міра. «Кто хочетъ говорить о любви Божіей,—тотъ покушается говорить о самомъ Богѣ», — ибо «Богъ есть любовь» (Іо. 4, 8), «а кто хочетъ опредѣлить словомъ, что есть Богъ, тотъ, святотатствуя умомъ, покушается измѣрить песокъ въ безднѣ морской», говоритъ тотъ же св. Іоаннъ Лѣств. (сл. 30—4, 5). А потому, во 2-хъ, не удивляться особенно, когда мы не замѣчаемъ ни въ себѣ, ни въ другихъ любви полной и глубокой,—это уже удѣлъ небесныхъ душъ; наше дѣло—любить хотя въ свою мѣру, да стремиться къ большей. Между же прочимъ, не должно особенно полагаться на обычную «дружбу»: въ большинствѣ случаевъ она поверхностна, непрочна, фальшива, несовершенна. Наоборотъ, должны даже съ недоумѣніемъ относиться къ тѣмъ, кои прежде совершенства и очищенія трактуютъ о своей любви; ложь фальшивой, натянутой сентиментальной любви у сектантовъ, воображаемая «любовь къ человѣчеству» у социалистовъ при ненависти къ иначе мыслящему сосѣду, искусственная ласковость въ нашей обиходной жизни и пр., — все это — собственно лицемѣріе въ той или иной степени, ибо слово—не равно дѣлу, виѣшнее—не соотвѣтствуетъ внутреннему.

Въ отношеніи же къ разсматриваемому нами вопросу о Церкви, раскрытый взглядъ на полную, истинную любовь, какъ на благодатный даръ лишь достигшихъ совершенства, приводитъ насъ къ необходимости искать другого, болѣе явнаго внутренняго признака принадлежности къ Церкви Христовой. Въ самомъ дѣлѣ, если мы, простые вѣрующіе, имѣемъ любовь лишь въ начальной степени, слѣдовательно, не особенно яркую, если большинство членовъ Церкви земной лишь стремится пока къ идеалу любви, если любовь есть собственно признакъ Церкви Небесной, то отсюда слѣдуетъ, что любовь, хотя и составляетъ главный, первый признакъ Церкви по существу, но не главный, не первый, такъ сказать, по яркости, по степени *характерности* Церкви земной, тѣмъ болѣе, что о

*) о чемъ рѣчь будетъ въ послѣдней главѣ.

любви, какъ мы знаемъ, говорятъ теперь люди самыхъ разнообразныхъ настроеній и убѣжденій—отъ анархистовъ до декадентовъ.

А такимъ внутреннимъ, но болѣе характернымъ *фактическимъ* признакомъ Церкви земной является другое свойство духа человѣческаго—*смирение*—о чемъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Веніаминъ.

Соловецкій схимохъ Засима

изъ Чудскаго племени *).

(Память 23 іюня).

Господь «отъ одной крови произвелъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію, чтобы они искали Бога, не ощущая ли Его и не найдутъ ли, хотя Онъ не далеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ, и движемся и существуемъ» — говорятъ Слово Божіе (Дѣян. 17, 26—28). Не для достиженія господства надъ другими народами ради корысти и не для служенія страстямъ созданы Творцомъ народы, а для того, чтобы каждый изъ нихъ, развивая богодарованныя силы свои, служилъ и другимъ и всѣ вмѣстѣ стремились бы къ угожденію Богу — созрѣвали для жизни вѣчной!

Какъ въ видимой природѣ есть большія многоводныя рѣки, которыя на тысячи верстъ, извиваясь длинной лентой, катятся въ океаны свои могучія воды, а въ нихъ отовсюду вливаются маленькія рѣчки въ безчисленномъ множествѣ на всемъ протяженіи, — такъ есть народы великіе и малые. Великіе народы, одаренные великими талантами, въ цѣломъ рядѣ поколѣній несутъ свои дары другимъ, малымъ племенамъ и народамъ. Они постепенно приобщаютъ ихъ къ своей жизни, ко всѣмъ своимъ благамъ. Поколѣнія за поколѣніемъ, какъ волна за волной, уходятъ люди въ море вѣчности на судъ Божій, оставляя по себѣ извѣстный слѣдъ. Русскій народъ одинъ изъ величайшихъ и богато одареннѣйшихъ народовъ на лицѣ земли. Онъ наслѣдовалъ во всей полнотѣ неповрежденную истину Евангельскаго ученія Христова отъ древней Византіи, онъ съ зарей своей жизни проникся самъ истинами Евангельскими и служить міру — какъ народъ Богоносець... Много племенъ вошло въ составъ Русскаго Царства. Многія изъ этихъ племенъ уже давно рас-

*) О жизни Старца Засимы свѣдѣнія взяты изъ «Соловецкаго Патерика», О. Чудскомъ племени, о Води, свѣдѣнія можно найти въ соч. П. Келпена, 1861 г. Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Россіи.

творилось въ массѣ народа русскаго и иные еще обрусѣваютъ; а иные и доселѣ упорно держатся своей обособленности.

Среди такихъ племенъ, уже исчезающихъ, есть въ Россіи и племя Водь или Чудское. Оно въ древности обитало въ предѣлахъ нынѣшнихъ Олонецкой, С.-Петербургской, Архангельской и Новгородской губерній, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Отъ Каргополя внизъ по Онегѣ рѣкѣ и донынѣ сохранилось множество названій чудского происхожденія и доселѣ существуютъ сказанія о Чуди, какъ о прежнихъ насельникахъ этого края.

Остатки ихъ есть и донынѣ, но они очень быстро обрусѣваютъ. Мѣстами, какъ напр., въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ, есть еще и говоръ ихъ. Въ предѣлахъ Олонецкой епархіи этого племени числится всего не болѣе 15—16 тысячъ. Но въ одномъ отношеніи это племя одно изъ счастливѣйшихъ: оно рано приняло православную вѣру и всѣ навыки русскаго народа и тѣсно съ нимъ слилось и сливается и донынѣ.

Изъ этого племени вышелъ, между прочимъ, и одинъ изъ замѣчательныхъ подвижниковъ благочестія нашего времени. Это схимонахъ *Засима*, подвизавшійся въ Соловецкомъ монастырѣ въ XIX столѣтіи и почившій 23 іюня 1855 г. Онъ прожилъ въ Соловецкой обители 47 лѣтъ. Этотъ замѣчательный чудинъ въ теченіе всей своей многолѣтней жизни въ обители лѣтнею порою трудился на звѣриной и рыбной ловлѣ, въ тоняхъ Троицкой и Кирилловской, а въ зимнее время занимался вязаніемъ сѣтей. Этимъ дѣламъ онъ посвящалъ время свободное отъ молитвы и богослуженія. Онъ былъ истинный *инокъ-молитвенникъ*. Нерѣдко онъ цѣлыя ночи проводилъ въ умиленной слезной молитвѣ. Братія это знала и часто просила его будить ихъ къ ранней утренней службѣ, къ которой не легко вставать хотя и привыкшему, но утружденному за день тяжелыми работами, человѣку. Это желаніе братіи о. Засима исполнялъ аккуратно, хотя у него и не было часовъ въ келліи. Постникъ и строгій блюститель всѣхъ обѣтовъ иноческихъ, старецъ въ келліи ничего не имѣлъ. Кромѣ мантии и клобука, у него было только двѣ одежды: зимняя—полушубокъ, а лѣтняя—сѣрый кафтанъ. Уходя изъ келліи, онъ все уносилъ съ собою. Его келлія оставалась открытою, и никто ничего не уносилъ изъ нея: нечего было взять. А когда о. Засима умеръ, то въ келліи отъ него остался одинъ лишь поясъ кожаный.

Особенно же полно въ немъ проявилось крайнее *нестяжаніе*. О. Засима никогда не бралъ и копѣйки изъ братской кружки, что приходилось ему на долю для мелкихъ расходовъ: на свѣчи, просфорки и т. п. Даже въ руки онъ не бралъ денегъ. Разъ былъ такой случай. Строитель Голгофо-распятскаго скита, около котораго

трудился тогда на ловлѣ старецъ, желалъ испытать нестяженіе Зосимы. Съ этою цѣлю онъ велѣлъ взять и разбросать горсть серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ по тропинкѣ, по которой о. Зосимъ нужно было пройти въ скитъ на всенощное бдѣніе на одинъ праздникъ. Увидавъ деньги, о. Зосима, почитая это за искушеніе отъ лукаваго, бросился съ тропинки и завязъ въ болотѣ. Тогда вышли изъ скрытаго мѣста двое наблюдателей, вывели старца изъ трясины и рассказали ему, въ чемъ дѣло. «Не зналъ я этого, сказалъ имъ на это простодушный Зосима, иначе побросалъ бы деньги въ болото». Какой это урокъ нестяженія нынѣшнимъ людямъ, которые ради наживы готовы сами опуститься въ какую угодно трясиину лжи и обмана, не то что свернуть съ узкой и тѣсной тропы въ царствіе небесное среди всякихъ прискорбностей этой временной жизни?!

Передъ смертію старецъ заболѣлъ, но долго однако не рѣшался принимать схиму. Онъ думалъ, что если выздоровѣетъ, то ему, какъ схимнику, которыхъ, какъ почтеннѣйшихъ старцевъ, естественно уважали, уже не дадутъ работать наряду съ братіей, а работать ему хотѣлось до послѣдняго вздоха на благо родной обители и во спасеніе души. Опять поучительная черта подвижническаго характера, особенно для тѣхъ, кто стремится къ высшимъ санамъ и чинамъ въ надеждѣ на пріятный покой и скромную трату силъ на трудъ во благо ближнимъ и Родинѣ своей!...

А Родину-Русь православную о. Зосима крѣпко любилъ и терпѣливо переносилъ всѣ невзгоды осаднаго отъ англичанъ времени. Онъ пламенно молился объ избавленіи отъ опасности и укрѣплялъ братію обѣщаніемъ Божьей защиты, говоря, что, по молитвамъ Преподобныхъ, Господь не попуститъ болѣе оскорблять святое мѣсто.

Современникъ и соподвижникъ о. Наума*), подвижника-Карела, о. Зосима скончался незадолго до снятія осады. Постриженный въ схиму и напутствованный св. Таинствами, онъ тихо почилъ 23 іюня 1855 года.

Такова была жизнь подвижника-Чудина о. Зосимы! Не много, какъ видимъ, свѣдѣній о его жизни и подвигахъ сохранилось до насъ. Но и эти свѣдѣнія—какъ они глубоко поучительны для всѣхъ. Онъ не стремился къ благамъ міра сего. Онъ взыскалъ единого на потребу. Всю жизнь свою провелъ смиренно въ подвигахъ труда и молитвы, служенія братіи и внутренняго самоочищенія. И достигъ высокаго духовнаго преуспѣянія. Да послужить же примѣръ этого святого старца образомъ для подражанія какъ всѣмъ его

*) См. № 1 Сборника.

соплеменникамъ, такъ и всѣмъ племенамъ Сѣвера, вошедшимъ въ составъ Русской Державы, въ дѣлѣ все большаго и большаго объединенія съ Русскими и болѣе глубокаго и полнаго пропикновенія ихъ Евангельскими чистыми завѣтами жизни святой! Не въ стремленіи къ богатству да укрѣпляется мысль каждаго, а въ стремленіи къ обогащенію духовному добрыми дѣлами, думами чистыми, святыми и готовностью положить и душу свою за други своя во имя Христово. Какъ солнце ярко отливается множествомъ лучей на снѣжной полянѣ Сѣверной равнины и сіяетъ и искрится о тысячи цвѣтовъ, такъ и сіяетъ какъ въ Русскомъ народѣ, такъ и во всѣхъ съ нимъ живущихъ племенахъ, сообразно природнымъ свойствомъ каждаго, Солнце Правды Христосъ, Истинный Свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ затѣмъ, чтобы потомъ отойти въ блаженную вѣчность, гдѣ духъ человѣка не потонетъ, какъ волна въ морѣ, безслѣдно въ забвеніи, но напротивъ воспрянетъ съ новыми силами для новой жизни блаженно — прекрасной, гдѣ Господь отретъ всякую слезинку съ очей благоугодившихъ Ему—Источнику и Подателю жизни!

Архимандритъ Никодимъ.

СТИХЪ НАШЕЛЪ.

I.

— Ариша! скоро ли самоваръ то? Уже четыре часа, сейчасъ, почитай, и Сергѣй Петровичъ придетъ.

— Несу, Дарья Герасимовна, несу, — послышался голосъ изъ кухни, которая находилась рядомъ со столовой. И съ этими словами изъ двери показалась съ шипящимъ никеллированнымъ самоваромъ кухарка Ариша. Хотя этой Аришѣ шелъ уже къ концу пятый десятокъ, но она была еще полна силъ и энергіи, какъ этотъ, сейчасъ шипѣвшій самоваръ.

— Онъ у меня давно готовъ, да угольковъ малость не потрафила, переложила, а угли то купленные, чадъ пошелъ, вотъ я и того... замѣшкалась малость. — И она вышла снова въ кухню.

Въ это время часы съ кукушкой прокуковали четыре раза. Минуть черезъ пять появился и самъ Сергѣй Петровичъ.

Пока онъ будетъ раздѣваться да мыть руки, мы познакомимся съ нимъ и Дарьей Герасимовной, заваривающей теперь чай.

Сергѣй Петровичъ Рождественскій — плотно сложенный, высокаго роста человѣкъ съ карими глазами, съ темно-русыми волосами, болѣе свѣтлыми усами и русской бородой — «лопатою», какъ выражалась Ариша. Лѣтъ ему на видъ можно было дать — тридцать пять, хотя на самомъ дѣлѣ ему шелъ всего лишь тридцать первый годъ, но борода «лопатою» оказывала еще болѣе пожилымъ. Онъ былъ сынъ одного управляющаго имѣніемъ. Сначала учился въ гимназіи; по классическая мудрость почему-то не задалась, и послѣ пятого класса ему пришлось разстаться съ Гомеромъ и Цицеронами. Однако Сереженька, — какъ его звали всѣ, — нимало не унывалъ; скоро же поступилъ въ средне-техническую школу въ городѣ С., которую и кончилъ прекрасно. Почти сразу ему предложили мѣсто помощника начальника маленькой станціи; а теперь онъ уже начальникъ станціи въ городѣ Т. Въ его квартирѣ и происходитъ теперь описываемое.

Дарья Герасимовна уже почти старушка — лѣтъ 50. Она замѣтно сгорбилась, волоса съ сильной просѣдью, многихъ зубовъ, видимо, нѣтъ, такъ какъ верхняя губа вдавилась уже въ ротъ. Лѣтъ 25 тому назадъ она, еще молодая, неожиданно схоронила своего

мужа діакона, умершаго отъ чахотки, а въ скорости послѣ того скарлатина унесла и троихъ дѣтей ея. Первыя лѣтъ 15 своего вдовства она прожила просвирней. Но потомъ ее пригласилъ къ себѣ жить Сергій Петровичъ, которому она приходилась родной теткой по матери. И вотъ уже около 10 лѣтъ она бережетъ и съ чисто материнской любовью заботится о «Сереженькѣ», какъ она привыкла называть начальника съ бородой—«лопатою» съ дѣтскихъ лѣтъ его.

— Ну вотъ, распрекрасившая моя Пульхерія Ивановна,— то бишь, тѣфу!—Дарія Герасимовна,—и еще мы съ вами пассажирчиковъ пропустили, да и паровозикъ чайкомъ накачали,—потому время жаркое, полуденное: всѣмъ пить хочется. Ну ка, тетя милая, наливай-ка съ радости...

И Сергій Петровичъ нѣжно похлопалъ Дарью Герасимовну по спинѣ.

— Ты все балагуришь, точно маленькій,—замѣтила она, дабы лишь что-нибудь сказать въ отвѣтъ на ласки и шутки племянника, которыя въ сущности очень радовали ее; но она старалась этого не показывать, дѣлая будто серьезное лицо.

— Да, а чтожъ мнѣ не балагурить? Что у меня? или семеро по лавкамъ бѣгаютъ? Вотъ женюсь, тогда не до балагурства будетъ.

— Ты уже вотъ пять лѣтъ все собираешься жениться, да такъ, видно, всю жизнь и промаячишь одинокой кукушкой.

— А вотъ и не угадали-сь, ваше просвирническое преподобіе,—продолжалъ шутить Сергій Петровичъ. Жениться то я рѣшилъ, наконецъ.

Дарья Герасимовна, все это время не поднимавшая глазъ отъ своихъ чайныхъ занятій, теперь вопросительно молча посмотрѣла на племянника.

— Вѣрно говорю, тетя,—уже почти серьезнымъ тономъ отвѣтилъ онъ на ея молчаливый вопросъ.

— Да что же?... дай Богъ. Въ часъ добрый! Пора ужъ: а то и сѣдина скоро, пожалуй, пойдетъ. Что же? Марью Михайловну рѣшилъ?—Дарья Герасимовна налила теперь и себѣ чашку и спокойно сѣла противъ Сергѣя Петровича.

Марья Михайловна Красницкая, о которой зашла рѣчь, была кассиршей на той же станціи. Отецъ ея, служившій въ акцизномъ вѣдомствѣ, умеръ три года тому назадъ, оставивъ почти безъ всякихъ средствъ, кромѣ дочери, еще старушку-мать, да сына—Юрія,—теперь уже гимназиста 4-го класса. Марья Михайловна семнадцати лѣтъ кончила гимназію. Сначала съ годъ жила при отцѣ, а послѣ смерти его, благодаря хлопотамъ и протекціи одного добраго знакомаго ихъ семьи, занимавшаго видное положеніе

въ Т., она получила мѣсто кассирши. И вотъ уже четвертый годъ изо дня въ день она то появляется въ своей будочкѣ, то снова исчезаетъ изъ нея. На получаемое жалованье кассирша содержитъ и себя, и мать, и Юрія. Жизнь въ Т. недешевая, такъ что Красницкимъ приходится иногда и тяжеленько. Теперь Марья Михайловнѣ идетъ уже 22-й годъ. Симпатичная на видъ, немного блѣдная, деликатная, хотя нѣсколько нервная, она держала себя ласково, но корректно, и потому пользовалась общимъ уваженіемъ и любовью.

Сергѣй Петровичъ, давно уже думавшій о бракѣ, сталъ присматриваться къ ней повнимательнѣе. Скоро они познакомились домами и иногда съ матерью старушкой Марья Михайловна заходила въ гости къ Сергѣю Петровичу. Особенно сошлись вдовы: рѣдко проходилъ день, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не заходилъ покатать другъ къ другу. Красницкіе квартировали недалеко отъ Рождественскаго.

Конечно, скоро же по станціи распространились слухи, что начальникъ женится на кассиршѣ. Но проходилъ годъ, другой, и все было по прежнему. Станціонныя сплетницы, или, какъ ихъ тамъ называли, «мѣстныя газеты», стали уже разочаровываться въ своихъ пророчествахъ. Но Сергѣй Петровичъ дѣйствительно думалъ о Марья Михайловнѣ, а въ послѣдній годъ весьма часто говорилъ о ней съ своей теткой, которой онъ повѣрялъ всѣ думы и задушевные мечты. Дарья Герасимовна, хорошо зная Марью Михайловну, какъ добрую, скромную, выдержанную, симпатичную дѣвушку, вполнѣ соглашалась съ Сергѣемъ Петровичемъ. И въ душѣ они оба въ сущности уже свыклись съ этими думами, но благоразумно скрывали до окончательнаго рѣшенія.

— Да! Марью Михайловну, конечно. А то кого же еще? Не за Любовь же Андреевну (такъ звали мать кассирши) мнѣ свататься! — сбивался снова Сергѣй Петровичъ на свой обычный шутиливый тонъ, отвѣчая на вопросъ тетки.

— Да ты все это опять, видно, зря? Лишь надо мной, старухой, издѣваешься. И какъ тебѣ не грѣхъ? — ласково выговаривала Дарья Герасимовна.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвѣтилъ онъ, стараясь принять снова серьезный видъ.

И они долго въ этотъ вечеръ обсуждали во всѣхъ подробностяхъ и предложеніе, и свадьбу, и будущую жизнь.

— Такъ, завтра, значить, командуй съ Аришей своей надъ горшками и кочергами, а я къ ужину приглашу Марью Михайловну съ Любовью Андреевной. Ну, Господи благослови! — и Сергѣй Петровичъ перекрестился на образа.

— Въ часъ добрый! Помоги Пресвятая Богородица, Никола

Чудотворецъ, батюшка о. Серафимъ!—и старушка со слезами молилась, глядя на иконы, которыхъ много было во всей ихъ квартирѣ.

— Ну, а теперь я побѣгу на вокзалъ. Вонъ ужъ почти восемь: Сибирскій поѣздъ скоро придетъ.

И Сергѣй Петровичъ, поцѣловавъ старушку, накинулъ шинель, фуражку и вышелъ.

II.

Къ вокзалу подкатилъ рысакъ съ пассажиромъ. Это былъ Оленинъ, непремѣнный членъ Т—скаго Губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ Присутствія, обладавшій довольно крупнымъ состояніемъ.

— Носильщикъ! Два мѣста и подушка!

— Слушаю.

И вслѣдъ за нимъ Оленинъ прошелъ въ залъ I класса.

— Вотъ тебѣ сторублевка, поди, возьми билетъ II класса до Петербурга черезъ Козловъ, Богоявленскъ, Москва.—Слушаю.— Минутъ черезъ 5 носильщикъ принесъ билетъ и сдачу.

Наскоро ее пересчитавъ, Оленинъ сунулъ деньги вмѣстѣ съ билетомъ и портмонэ. Носильщикъ, получивъ за трудъ, исчезъ. До отхода поѣзда оставалось еще минутъ 15. Оленинъ потребовалъ кофе.

— Что, будто бы носильщикъ мнѣ сдачи много далъ,—сталъ теперь соображать онъ. Вынулъ портмонэ, пересчиталъ. — Да, больше. Что за штука? Нужно посмотреть билетъ.—Оказалось, что билетъ помѣченъ лишь до Москвы. Снова пересчиталъ деньги: сдача дана была вѣрно. Значить, вѣроятно, носильщикъ ошибся или въ кассѣ,—думалъ Оленинъ, оглядываясь кругомъ, ища глазами носильщика своего. Но того нигдѣ не видно было. Времени оставалось уже немного; пришлось идти въ кассу поправлять ошибку самому.

— Барышня,—обратился онъ довольно развязно и требовательно къ нашей знакомой Марьѣ Михайловнѣ, — произошло печальное недоразумѣніе: я просилъ носильщика взять билетъ до Петербурга, а онъ принесъ—до Москвы, вотъ видите?—и Оленинъ показалъ билетъ.

— У насъ много до Петербурга и Москвы ѣдутъ; я не знаю ничего, какой такой носильщикъ бралъ, — нѣсколько съ сердцемъ отвѣтила кассирша, задѣтая за живое развязнымъ, требовательнымъ тономъ пассажира.

— Тотъ, что сторублевку мѣнялъ у васъ.

— Значить, онъ до Москвы спросилъ, если ему до Москвы дали. Ужъ съ него и взыскивайте, а я тутъ совершенно ни при чемъ,—входила въ боевое настроеніе Марья Михайловна.

— Я васъ спрашиваю,—еще болѣе властнымъ и пренебрежительнымъ тономъ заговорилъ Оленинъ, — можете вы обмѣнять билетъ или нѣтъ? Не переплачивать же мнѣ по чужой винѣ лишнихъ 5—10 рублей.

— А я вамъ снова заявляю, что я рѣшительно здѣсь ни при чемъ,—заговорила она тоже болѣе рѣзко: вашъ носильщикъ ошибся, а можетъ быть, вы и сами ему сказали: до Москвы,—а здѣсь возись... Да еще и требуютъ!—Оленинъ, не привыкшій встрѣчать подобныхъ возраженій и объясненій у себя, среди своихъ подчиненныхъ, очень раздражился. Но такъ какъ онъ былъ въ данномъ случаѣ въ роли просителя, то старался сдержать себя, насколько могъ, и, хотя видимо корректно, но внутри съ угрозой, спросилъ: — есть ли какія либо узаконенія у васъ относительно подобныхъ случаевъ? если нѣтъ, то я ни вашимъ затруднительнымъ положеніемъ, ни тѣмъ болѣе положеніемъ носильщика злоупотреблять не намѣренъ для поправленія своего печальнаго недоразумѣнія. Если же вы не знаете, то я обращусь къ начальнику станціи.

— Пожалуйста, обращайтесь!

Черезъ 2 минуты Оленинъ возвратился съ Рождественскимъ, которому на ходу рассказывалъ суть дѣла. Сергій Петровичъ, былъ лично знакомъ съ непремѣннымъ членомъ; да къ тому же оказалось, что и по законамъ нѣтъ препятствій къ обмѣну билета для подобныхъ случаевъ; поэтому онъ попросилъ вѣжливо Марью Михайловну удовлетворить просьбу Оленина.

Кассирша принуждена была повиноваться,—но въ душѣ у нея закипѣло теперь уже и противъ Сергія Петровича, что не укрылось отъ его вниманія.

Поѣздъ проводили, и Рождественскій направился къ кассѣ. Какъ разъ Марья Михайловна запирала въ это время свою будочку, собираваясь уходить. Въ душѣ ея раздраженіе все росло.

— Марья Михайловна! вы ужъ извините меня, что пришлось сдѣлать не по вашему: вѣдь, вотъ горе, когда законы-то писали, насъ съ вами не спросили,—сшутили по обычаю онъ, къ чему всѣ знающіе его привыкли и даже любили за веселый характеръ; нравилось это всегда и Марѣ Михайловнѣ, но на этотъ разъ она неожиданно для Сергія Петровича вдругъ отвѣтила нервно.

— Извинять я не имѣю права, а вотъ просить васъ, впредь не фамиллярничать съ своими шутками—прибаутками я, кажется,

еще не лишена вами права? Прошу поэтому подобных балагурствъ впредь не позволять со мной!

И она круто повернулась, направляясь домой. Этотъ краткій разговоръ происходилъ при стоявшихъ невдалекѣ носильщикахъ и нѣсколькихъ постороннихъ. Самолюбіе начальника зядѣло было за живое полученнымъ выговоромъ. Къ тому же, зная обыкновенно ровный и добрый характеръ кассирши, онъ неожиданно былъ такъ разочарованъ случившимся, что нѣсколько секундъ стоялъ, какъ бы недоумѣвая. Но потомъ, взглянувъ на носильщиковъ, въ глазахъ которыхъ свѣтилась неловкость, а у иныхъ удовольствіе—за скандалъ начальника, онъ сдѣлалъ спокойный видъ и тоже направился домой.

III.

Въ квартирѣ Красницкихъ раздался звонокъ. Любовь Андреевна вышла отворить сама: прислуги они за недостаткомъ средствъ не держали.

— Кто здѣсь?

— Я.

— Ахъ! это ты, Маруся...?!—ласково спрашивала старушка, отворяя дверь.

— А то кто же еще?—и съ этими словами она стала нервно вынимать шпильки изъ шляпки; но по странной случайности или потому, что не тѣмъ занята была мысль, она вынула одну лишь шпильку, а другая осталась на головѣ. Энергично хотѣла было Марья Михайловна снять шляпку, какъ вдругъ крикнула отъ боли: шпилька захватила и волоса. Настроеніе и безъ того худое, стало еще хуже: она была готова и браниться, и плакать, и лишь съ большимъ трудомъ сдерживала себя.

— Гдѣ Юрій? когда же ужинать?—спросила она наконецъ.

— Онъ ушелъ къ Гуслицкимъ,—тихо отвѣтила мать, скоро придетъ, еще 9-ти нѣтъ.

Марья Михайловна не знала, какъ бы излить свое настроеніе, которое, помимо ея воли, все расло и расло. А сдерживать его она сознательно не хотѣла, находя въ этомъ какую-то пріятную будто, но въ то же время и страшно-мучительную боль. Ей вспоминался и требовательный топъ Оленина, и распоряженіе Сергѣя Петровича, и даже носильщикъ Дымовъ, который—вѣдь, она прекрасно это помнитъ!—спросилъ билетъ именно до Москвы, а не до Петербурга. И на тѣхъ теперь она была раздражена. «А еще о свадьбѣ сплетничаютъ,—думала она. Если бы онъ дѣйствительно

хотѣлъ взять, то не уступилъ бы какому-то тамъ Оленину, не обидѣлъ бы ее такъ; да еще и фамиллярничаетъ при носильщикахъ. Пожалуй, подумаютъ, Богъ знаетъ что, а «газеты» будутъ рады «матеріалу». Нужно сказать, что Марья Михайловна относилась съ добрымъ чувствомъ къ Сергѣю Петровичу и даже въ тайнѣ души надѣялась выйти за него замужъ. Вотъ только приданого нѣтъ... Но зато всѣ знаютъ, что Сергѣй Петровичъ очень добрый человѣкъ: за этимъ не погонится. А тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время Марья Михайловна стала чувствовать болѣе ласковое отношеніе его; сердце сердцу вѣсть подаетъ. Надежды возросли. И вдругъ... нынѣшняя, и для нея самой неожиданная размолвка. Сразу же пошли хмурые мысли, что она сама себя испортила все дѣло, что теперь уже больше не возвратитъ прошлаго. И это до конца угнетало ея душу. Еще немного, и она разразилась бы горькими слезами. Любовь Андреевна, видя, что съ Марусей что-то неладно, не осмѣлилась однако спросить: она всю жизнь свою была тихая, кроткая, молчаливая, — и теперь только готовила къ ужину.

Въ это время раздался звонокъ. Пришелъ веселый Юрій. Сѣли ужинать. Юрій, видя, что Маруся на что-то сердится, сразу сбросилъ свой веселый видъ. Наступило тяжелое молчаніе, слышенъ былъ только стукъ ножей и вилокъ. У Марьи Михайловны аппетитъ совсѣмъ почти пропалъ. Ужинъ кончился; подали чай. Любовь Андреевна, наконецъ, рѣшила заговорить.

— Что съ тобой, Маруся?

— А вамъ какое дѣло? Еще и отчетъ я должна отдавать? Чай, не маленькая?

Это было очень неожиданно, и потому всѣмъ стало еще тяжелѣе... Но черезъ минуту Маруся заговорила сама: настроеніе требовало исхода.

— Посадила бы я васъ на свое мѣсто, не такъ бы еще запѣли... И конца не видно этому терзанью... Каждый день одно и то же, одно и то же. Да еще всѣ требуютъ, претензіи предъявляютъ, фамиллярничаютъ на виду у постороннихъ... Жизнь тоже!.. Развѣ это жизнь? Это не жизнь, а каторга... А придешь домой, и тутъ отдохнуть не дадутъ своими распросами, да еще и ужина жди до 12 часовъ...

Марья Михайловна сознавала, что она говоритъ какія то нелѣпости, особенно относительно времени, ибо часы громко только что пробили девять: будто кто другой въ ней говорилъ и толкалъ ее, — а она лишь не хотѣла остановить этого другого, хотя страшно мучилась. Любовь Андреевна утерла украдкой слезу, а Юрій отправился въ свою комнатку.

Маріи Михайловнѣ стало невыносимо. Она снова надѣла шляпу и жакетъ и вышла на улицу: ей просто не хватало будто воздуха. — Господи! что за мука! хоть въ воду лѣзь! — вслухъ произнесла она, вышедши. Вдали заблестѣлъ яркій свѣтъ электрическихъ лампочекъ, кинематографа «Комикъ». — Пойду туда, мелькнуло у ней, — все развлекусь хоть чуть. На экранѣ показывалась всякая дрянь, смѣшныя сцены были очень грубы. Да ихъ Марья Михайловна почти и не замѣчала: ей все мерещились — Оленинъ, Дымовъ, Сергѣй Петровичъ, конецъ всѣмъ надеждамъ; а теперь еще съ острой болью вспоминала она, что ни за что довела до слезъ добрую тихую маму. И она едва досидѣла до конца отдѣленія. Было уже около половины одиннадцатаго ночи. До продажи билетовъ къ слѣдующему поѣзду оставалось всего лишь полчаса. Марья Михайловна изъ «Комика» направилась въ губернаторскій скверъ, лишь бы куда-нибудь себя дѣть.

— Господи! Никому то, ни одному человѣку въ мірѣ я не нужна. Всѣмъ — чужая!

А въ квартирѣ Рождественскаго какъ разъ въ это время рѣшалась ея судьба.

IV.

— Самоваръ готовъ? спрашивалъ, снимая пальто, Сергѣй Петровичъ, придя домой послѣ разговора съ кассиршей.

— Готовъ, Сереженька, готовъ. Ариша — а?! подавай!

На чистой скатерти стояли стаканъ и чашка, лежали булки, коржики, печенье, сливки, сыръ, масло, холодная котлета. Сергѣй Петровичъ не любилъ ужинать, а довольствовался закуской. Дарья Герасимовна сразу увидѣла, что ея Сереженька не въ духѣ, и прямо по обычаю начала спрашивать.

— Сереженька! ты что-то будто сердить, родимый? Али что случилось съ твоими машинами-ти? А — а?!

— Нѣтъ, ничего... Такъ себѣ...

— Да, ужъ чего тутъ, «ничего»? я, вѣдь, вижу: стараго воробья на якинѣ не обманешь. Не первый десятокъ на свѣтѣ живу: людей-то видала... Чего случилось? Ужъ не помощникъ ли чего?

Ласковый тонъ тетюшки мирно дѣйствовалъ на добраго вообще Сергѣя Петровича. И онъ прямо заговорилъ о случившемся.

— Нѣтъ, не помощникъ хотя, а предполагаемая помощница, — пришло и тутъ ему на память остроумное сравненіе.

— Какая помощница? Ужъ не жена ли его Глафира Ивановна?

— И не Глафира, и не Ивановна,—а Марья и Михайловна, и не жена еще, а невѣста...

— Марья Михайловна?!. Какъ такъ? ты опять шутишь?

— Ну, ужъ нѣтъ: на этотъ разъ рѣшительно не до шутокъ! —И онъ совершенно серьезно и со скорбью разсказалъ про все: и какъ онъ въ первый разъ видѣлъ Марью Михайловну раздраженной, и какъ она оговорила его при носильщикахъ.

— Ишь, ты, вѣдь!—сокрушенно качала головой старушка... Врагъ то... Ахъ, Господи!.. Искуше-е-ніе... Гм-м... И что это съ ней подѣлалось?..

— Да я и самъ не ожидалъ...

— Можетъ быть, ты ей раньше неладно чего сказалъ?

— Да, нѣтъ же, вотъ что было, то все и разсказалъ. Она ранѣе, видимо, была разсержена Львомъ Владимировичемъ Оленинымъ изъ-за этого билета несчастнаго, а я только что и сказалъ о законахъ:—и при воспоминаніи объ этой шуткѣ у него невольно появилась на минутку улыбка.

— Да и ты, Сереженька, это неладно... Право!.. Вѣдь, при людяхъ... Нынѣ народъ-то какой? а она—барышня, честь свою дѣвичью беречь должна... А этотъ Оленинъ, какъ его, бишь, зовутъ то?... извѣстное дѣло, баринъ важный, обидѣть человѣка—нипочемъ... Дарья Герасимовна всецѣло стояла душой за дѣвушку и старалась всячески выгородить ее.

— Да и то сказать,—ну, чего-жъ тутъ особеннаго? ну, и разсердилась, или по вашему по теперешнему, нервы какіе-то тамъ,—ишь, бѣда какая? чай, не ангель она. А ты что же думалъ? разъ невѣста, такъ и святая что-ли? Ежели такъ, родимый, обижаться, то жить нельзя было бы...

— Да, вѣдь, при людяхъ, при носильщикахъ — оправдывался Сергій Петровичъ.

— Ну, конечно, непріятно, что и говорить. А развѣ навсегда убережешься? Тебѣ каждое лыко въ строку? Такихъ не найдешь. У меня вонъ покойничекъ-то,—Царство ему небесное!—бывало, какъ придетъ со славленія то, такъ, кажись, и образъ человѣческій потеряетъ: кричитъ, бранится; а ужъ знаю, что все съ чфыру эдого самаго: проспится, и опять тише воды будеть... Вотъ не привелъ Господь пожить... А ты, вонъ, на одно слово обижаешься. Вѣдь жизнь то прожить, что море перейти, и въ Писаніи сказано,—чай, знаешь: другъ дружки тяготы носите, — а ты и слова не вынесъ, а уже почти и отказаться готовъ отъ невѣсты...

И Дарья Герасимовна испытующе заглянула въ глаза племяннику.

— Нѣ-ѣ-тъ!.. а все-таки какъ-то, того... тяжело, обидно,—отвѣтилъ онъ.

— Онъ опять за свое. Что же? око за око? какіе же тогда мы есть христіане? Ахъ, Сереженька, Сереженька!

И слова ея, точно масло на разбушевавшіеся волны, дѣйствовали на душу Сергѣя Петровича. Да и естественная его доброта готова была со всѣмъ помириться. На душѣ стало спокойнѣе.

Огонь огнемъ не затушишь. Иной разъ она разсердится, ты покрой кротостью,—а вѣдь, и ты вотъ разсердился, она спустить... Не хочешь ли чайку еще? Да и что-то ты совсѣмъ ничего нынѣ не ѣшь? Семъ-ка, я тебѣ намажу булочку хоть? вонъ и котлета осталась цѣла; можетъ, яичка сварить?

— Нѣтъ, тетя, спасибо, ѣсть не хочу что-то: а вотъ отвару изъ китайскаго сѣнца еще выпью,—понекому возвращаясь въ свою колею, говорилъ Сергѣй Петровичъ, придвигая стакаѣъ.

— Кушай, кушай на доброе здорovie...

Наступило тихое молчанье. Лишь самоваръ весело распѣвалъ свои мелодіи, да слышалось подуваніе тетушки на блюдечко.

— Вотъ я покойничка то, да трехъ дѣтокъ въ одинъ годъ схоронила,—продолжала Дарья Герасимовна; и слеза тихо побѣжала по ея морщинистой щекѣ; неспѣшно вытерла она ее концомъ платка, котораго почти никогда не снимала съ шеи;—сначала-то чего съ собой не придумывала сдѣлать, прости меня, Господи, окаянную! да Богъ милостивъ, поплакала, поплакала, молилась за нихъ родимыхъ,—и она утерла другую слезу,—да и то вотъ перетерпѣла: на все воля Божія, ужъ Онъ знаетъ, что дѣлается.

Сергѣю Петровичу въ сравненіи съ такимъ смиреніемъ даже стыдно сдѣлалось за то, что онъ изъ-за такого незначительнаго повода раздражился и сталъ сомнѣваться въ Марѣ Михайловнѣ.

— Но, вѣдь, ты пойми, тетя, что, можетъ быть, у ней характеръ такой? только, значить, она скрывала? Вѣдь, вотъ какія мысли лѣзутъ въ голову-то.

— Характеръ... Да у тебя-то тоже, значить, «характеръ такой», коли осерчалъ разъ, другой! Безгрѣшный-то одинъ Господь. А мало ли иной разъ изъ-за чего сердце разгорится? Вонъ ребята, иной разъ мокрый снѣгъ начать съ горы катать: сначала комочекъ съ кулакъ, а пока докатится до низу, съ цѣлую кошну сталь. Такъ и съ сердцемъ: ежели бы остановить его сразу, такъ и ничего бы, все сразу и схлынуло; а коли упустишь, да еще и самъ подтолкнешь, такъ иной разъ изъ-за пустяка сущаго можно, Богъ знаетъ, до чего дойти. Ну, Марья Михайловна-то, можетъ и не сдержалась на этотъ разъ. Да, дѣдь, сколько этихъ Лениныхъ разныхъ—прости Господи,—у нея каждый день бываетъ! Настроеніе,—по вашему; а по нашему: по старинному: стихъ нашель. Вотъ и весь тебѣ сказъ. А первое дѣло, — врагъ; позавидо-

валъ, что мы съ тобой благословились давши доброе дѣло дѣлать, вотъ и раздулъ всю эту исторію. Прямо искушеніе чистое. Сереженька... Вѣдь, не впервой же ты ее видишь? за три-то года одинъ лишь разъ замѣтилъ такой, — а то кто же не знаетъ про доброту ея и скромность?

Сергѣй Петровичъ совсѣмъ уже въ душѣ успокоился. И теперь все случившееся представлялось ему чѣмъ-то маленькимъ, отчасти даже и смѣшнымъ.

— Не хочешь ли еще чайку стаканчикъ?

— Нѣтъ, больше не хочу пока. Да ужъ и пора ночную пассажирку встрѣчать.

И онъ, перекрестившись на иконы, снова набросилъ шинель и фуражку.

— Не простудись послѣ чаю-то: ночи прохладныя...

IV.

Проходя мимо кассы, Сергѣй Петровичъ увидѣлъ уже тамъ Марью Михайловну: лицо ея ясно говорило объ измученной душѣ, на глазахъ почти стояли слезы. И ему вдругъ сдѣлалось страшно жалъ ея, — захотѣлось просить прощенія, приласкать ее. Но было уже некогда: поѣздъ скоро долженъ былъ притти.

Наконецъ, проводили и его, и теперь можно было отдохнуть до утра.

Сергѣй Петровичъ рѣшительно направился къ кассѣ. Красницкая уже вышла. Онъ догналъ ее въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ вокзала, на дорожкѣ станціоннаго садика.

— Марья Михайловна! — тихо и очень ласково обратился онъ къ ней, — позвольте проводить васъ до дому?..

Сердечный тонъ его былъ такъ неожиданъ для нея, что она сначала даже не нашла, что отвѣтить; да и не смогла бы, потому что чувствовала, что еще минута, и она больше не выдержитъ, и при первомъ же словѣ разрыдается, слезы подступили къ самому горлу.

Они нѣсколько секундъ шли вмѣстѣ молча.

— Вы меня, пожалуйста, простите за мою давешнюю выходку, — выговорилъ, наконецъ, Сергѣй Петровичъ: увѣряю, что я ни на секунду не хотѣлъ обидѣть васъ. Простите! — И онъ протянулъ ей руку. Марья Михайловна машинально подала свою и вдругъ — разрыдалась... Ноги отказывались ей служить, она почти падала на землю. Сергѣй Петровичъ совершенно растерялся; инстинктивно онъ поддержалъ ее подъ руку и посадилъ на ближай-

шую скамеечку. Она продолжала плакать, но постепенно все тише и тише. Сергѣй Петровичъ понялъ, что ей нужно излить накипь сердца, молчалъ, сидя рядомъ. Когда уже она совсѣмъ стихла, онъ еще съ большей лаской обратился къ ней: что съ вами?

— Ни-че-го! сейчасъ... все... пройдетъ... Вы меня... тоже простите... Знаете, — нервы разошлись... Настроеніе какое-то ужасное налетѣло на меня...

И она ему рассказала все, что пережила за этотъ вечеръ.

— Больно, что и маму обидѣла напрасно: она такая смиренная, тихая. А подѣлиться горемъ мнѣ еще не съ кѣмъ было; вотъ я и разрыдалась при васъ, какъ дѣвочка. Одной то трудно перетерпѣть...

И она въ послѣдній разъ противъ воли всхлипнула.

— Такъ давайте терпѣть вдвоемъ, легче будетъ. Согласны?...

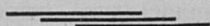
VI.

Съ той поры прошло шесть лѣтъ. Любовь Андреевна скончалась. Юрій — студентъ университета. Дарья Герасимовна вмѣстѣ съ Аришей нянчить внучатъ. Жизнь течетъ мирно. Супруги благодарятъ Бога. Когда же случится между ними размолвка, то Сергѣй Петровичъ сначала промолчитъ, а потомъ и скажетъ добродушно:

— Что? настроеніе виновато? стихъ нашель?

Улыбка заиграетъ на лицѣ Маруси, и Сергѣй Петровичъ по-прежнему весело идетъ командовать «своими машинами».

В. Марскій.

Нужды и утѣшеніе сѣверной окраины.

Къ вопросу о школьномъ просвѣщеніи бѣломорскихъ карель, Кемскаго уѣзда.

(Корреспонденція).

«Въ настоящее время въ Бѣломорской Карелии численно преобладаетъ школа свѣтскаго типа — это училища М. Н. П. На 10 школъ церковныхъ этихъ училищъ приходится въ 3 раза больше, слѣдовательно преимущественное вліяніе на подрастающее поколѣніе карель оказываютъ свѣтскія училища. Но, конечно, училища воздѣйствуютъ такъ или иначе и на взрослое населеніе. Много училищъ находится далеко отъ приходскихъ храмовъ, гдѣ причты бываютъ лишь для требоисправленій.

Въ этихъ отдаленныхъ отъ церквей училищахъ и обученіе Закону Божію лежитъ на учителяхъ и учительницахъ, которые, такимъ образомъ, въ значительной степени вліяютъ и на религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей. Какъ намъ извѣстно, только въ одномъ училищѣ (Алозерскомъ, Ухтинскаго прихода) учитель получившій богословское образованіе въ духовной семинаріи, а въ остальныхъ, гдѣ не обучаютъ законоучителя, обязанности послѣднихъ исполняютъ лица съ образованіемъ городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій, гимназій *). Кажется, есть опредѣленный указъ Св. Синода о замѣщеніи законоучительскихъ должностей, но какъ онъ исполняется въ Карелии — мы не знаемъ.

Преобладая численно, свѣтскія училища должны нести и извѣстную отвѣтственность за правильное религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей и доброе вліяніе на окружающее населеніе. Каково-же это вліяніе и всегда ли оно благотворно и можно-ли быть спокойнымъ за будущее бѣломорскихъ карель?

Въ с. Ювалакшѣ, Кемскаго у. (въ 15-ти верстахъ отъ с. Ухты) уже нѣсколько лѣтъ дѣйствуетъ училище М. Н. П. Въ настоящее время въ этомъ разсадникѣ просвѣщенія работаетъ учитель, получившій образованіе въ Тотемской учительской семинаріи, Вологодской губ. Не касаясь учебной стороны дѣла у этого учителя, мы не можемъ умолчать о томъ, какъ онъ рекомендуетъ себя

*) Женской.

съ нравственной стороны. Этотъ учитель жилъ и живетъ «гражданскимъ бракомъ» съ карелкой. Невольно задаешь вопросъ: почему учитель, жизнь котораго на глазахъ у мѣстныхъ карель, для которыхъ онъ тоже, надо полагать, какъ и священникъ, по идеѣ, долженъ служить примѣромъ, избѣгаетъ церковнаго брака?

По нашему убѣжденію, это совершенно не простительно. Такая вольность со стороны православнаго учителя въ Карелии прямо нетерпима. Своей жизнью не учить-ли этотъ «педагогъ» и карель пренебрегать таинствами и обычаями Св. Церкви? Не разрушаетъ ли онъ семейныхъ устоевъ, которые еще держатся среди карель? С. Ухта—крупный центръ въ Бѣломорской Карелии. Здѣсь существуетъ двухклассное училище М. Н. П. Нѣкоторое время преподаваніе Закона Божія въ этомъ училищѣ лежало на обязанности учителей. И вотъ одинъ служитель Церкви передавалъ намъ, что ни учителя, ни учащіеся ни разу не бывали въ приходскомъ храмѣ. Хуже того. Былъ такой случай. Священникъ съ псаломщикомъ ѣхали съ требоисправленія изъ такъ называемой «Заламбины» въ с. Ухтѣ, при чемъ ученики Заламбинскаго училища закидали причтъ снѣжками.

Мы прямо не вѣрили, слушая разсказъ объ этомъ псаломщика Г. Но пришлось повѣрить. Но вотъ законоучительство отъ учителей переходитъ къ священнику. Послѣдній, желая привлечь учащихся и учащихся къ посѣщенію храма Божія, однажды предъявилъ учителямъ требованіе въ этомъ смыслѣ и въ отвѣтъ отъ одного изъ нихъ услышалъ: «Ну, ужъ если вамъ такъ нужно, чтобы они (учащіеся) ходили въ церковь, такъ съ нашей стороны препятствій нѣтъ»... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы какъ-то спросили одного о. законоучителя про отношеніе къ преподаванію въ училищѣ Закона Божія «министерскаго» инспектора. Отношеніе «корректное», охарактеризовалъ о. законоучитель. Скажите теперь, у учителей «министерскихъ» въ с. Ухтѣ какое отношеніе къ религіознымъ обязанностямъ? «Корректнымъ» его, по нашему мнѣнію, назвать нельзя. Несомнѣнно, оно въ нѣсколько разъ хуже «корректнаго». Теперь, при такихъ явленіяхъ въ области школьнаго дѣла, когда законоучитель можетъ услышать это—«съ нашей стороны препятствій нѣтъ», сказанное тономъ распорядителей въ школьной жизни, или имѣть сотрудника учителя, послѣдователя безбрачной ереси, какъ можно быть спокойнымъ за дѣло и какъ не возмущаться пренебрежительнымъ отношеніемъ къ Церкви?

Въ глухихъ и отдаленныхъ деревенькахъ Карелии въ праздничные дни естественно желать, чтобы народъ собирался въ мѣстные часовни помолиться, послушать церковное чинопослѣдованіе часовъ, утрени, вечерни, пѣніе школьниковъ, причемъ руководи-

телемъ въ такой молитвѣ долженъ быть учитель или учительница, такъ какъ причтъ церковный живетъ далеко. Но какъ надѣяться, что свѣтскіе учителя и учительницы будутъ выполнять эту важную сторону воспитательнаго вліянія въ духѣ Св. Церкви на школьниковъ и ихъ родителей? При многихъ училищахъ теперь открываются на министерскія средства общежитія. Намъ пришлось узнать, что забота объ этихъ общежитіяхъ простирается такъ далеко, что для дѣтей, привыкшихъ къ крестьянскому обиходу, посылаются даже матрацы, одѣяла и т. п. Все это, конечно, хорошо, когда денегъ некуда дѣвать; но какъ сопоставишь заботу «о спаль-ныхъ принадлежностяхъ», о культивированіи у карельскихъ ребятъ новыхъ потребностей съ небреженіемъ объ удовлетвореніи у тѣхъ же ребятъ высшихъ потребностей духа, станетъ не только смѣшно, но и глубоко прискорбно. При сознаніи-же опасности лютеранско-сектантской пропаганды для Карелии, дѣлается даже страшно. Думскіе милліоны сыплются исключительно облюбованному «министерству», а церковной школѣ, которая, кромѣ обученія, осуществляетъ и цѣли воспитанія, не перепадаетъ отъ думцевъ даже и крохъ. Пусть пока такъ, но гдѣ же гарантія, что усиленно размножаемая училища дадутъ народу и «единое на потребу»? Чтобы хотя сколько-нибудь обезпечить православнымъ кареламъ стояніе въ вѣрѣ предковъ, нужно рядомъ съ каждымъ «министерскимъ» училищемъ открывать и церковную школу, а въ противномъ случаѣ всѣ училища по глухимъ деревнямъ необходимо передать духовному вѣдомству. Это будетъ не экспропріація г. Ключева, придуманная имъ для церковныхъ школъ Россійской Имперіи, изъ прекраснаго *) далека, а только обезпеченіе православной Церкви, что православныхъ карель не заведутъ въ дебри безбожія, сектантства и разныхъ вольностей, придуманныхъ интеллигентами, въ родѣ «гражданскихъ браковъ».

* * *

Какъ живетъ въ Финляндіи православнымъ монастырямъ.

(Корреспонденція).

«За послѣдніе года прибрежные финны Выборгской губерніи проявляютъ къ Коневскому монастырю все болѣе недобрососѣдскія отношенія, хотя со стороны монастыря принимались и принимаются всѣ возможныя средства къ устраненію столь нежелатель-

*) Думскаго.

ныхъ отношеній. Имъ во всякое время года дозволяется безпрепятственное пребываніе съ ночлегомъ въ специально выстроенномъ для того домѣ, отпускается горячая пища съ братской кухни, исполняются духовныя требы какъ въ самомъ монастырѣ, такъ и по первому требованію на дому: молитвованіе и крещеніе младенцевъ, причащеніе больныхъ, не могущихъ прибыть въ монастырь, напутствіе на смертномъ одрѣ, погребеніе умершихъ въ самомъ монастырѣ на специально отведенныхъ для сего мѣстахъ, оказывается медицинская помощь, а болѣе бѣднымъ — и нѣкоторое продовольствіе съ собою. Все исполняется по первому требованію и безвозмездно. Но все напрасно, отношенія не улучшаются, даже, какъ видно, будто обостряются.

Посѣщающіе монастырь финны, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, проявляютъ явное недоброжелательство.— Приѣзжающіе въ лѣтнее время на лодкахъ, въ особенности въ большіе лѣтніе праздники, ведутъ себя невозможно, не только на островѣ, но даже и въ самомъ храмѣ, покупаютъ свѣчи и поступаютъ съ ними неподобно; пріобрѣтаютъ образки св. угодниковъ и прикрѣпляютъ ихъ на верхнее платье въ видѣ розетокъ; въ устроенномъ у гостиницы садикѣ вырываютъ безпощадно цвѣты, ломаютъ загражденія и даже часто бываетъ оскорбленіе святынь; такъ въ святомъ колодцѣ, существующемъ съ основанія монастыря, каждый разъ, особенно послѣ массоваго появленія финновъ, находятъ различныя непристойныя отбросы до окурковъ и спичекъ включительно, несмотря на то, что колодезь закрытъ частой проволоочной рѣшеткой и надъ нимъ водруженъ крестъ. Все это дѣлается «просвѣщенными христіанами»; между тѣмъ, какъ самый неразвитой русскій мужикъ не позволитъ себѣ ничего подобнаго въ мѣстахъ, принадлежащихъ людямъ иного вѣроисповѣданія.

Появляясь въ трапезѣ, они нерѣдко выливаютъ и выбрасываютъ кушанья на столъ, ломаютъ посуду, производя шумъ и смятеніе; на всѣ уговоры отвѣчаютъ смѣхомъ и даже показываютъ ножи, съ которыми (по финскимъ законамъ) они никогда не расстаются. За все время такихъ непріятностей только одинъ разъ, въ 1909 г., монастырь настоялъ, чтобы полицейскій задержалъ нѣкоторыхъ лицъ, производившихъ особенные безпорядки во время храмового праздника у святыхъ воротъ; а то обыкновенно или не добиться отъ финскихъ властей никакихъ результатовъ, или тотъ же полицейскій за массою безобразничающихъ не можетъ или не хочетъ установить точно личности виновныхъ.

Въ осеннее глухое время положеніе обитатели еще болѣе ухудшается: прибрежные рыбаки высаживаются на островѣ, гдѣ имъ вздумается и распоряжаются, какъ полновластные хозяева,

пользуясь отсутствіемъ русскихъ властей: рубятъ на топливо лѣсъ, разводятъ костры, которыхъ по отъѣздѣ своемъ никогда не тушатъ, сѣти свои ставятъ вблизи монастырскихъ. Вообще безнаказанныхъ беспорядковъ много; а интересы своихъ сородичей естественно полицейскому ближе монастырскихъ. Жаловаться на него ленсману*) совершенно безцѣльно: полицейскій всегда оправдывается, или же, въ крайнемъ случаѣ, пришлютъ другого такого же финна.

Между прочимъ, существуетъ распоряженіе Выборгской губернской канцеляріи отъ 26-го ноября 1898 г. за № 1629 о воспрещеніи рыбакамъ, подъ угрозою штрафа въ 40 ф. марокъ, выходить на землю Коневского монастыря, а также стоять лодкамъ на якорѣ ближе двухсотъ метровъ отъ заливовъ и береговъ острова; но все это, очевидно, пишется не для финновъ. Такъ, монастырь, еще въ 1908 году, направилъ свою жалобу, черезъ кого слѣдуетъ и куда надлежить, о возобновленіи законной силы указаннаго постановленія, написанную, конечно, на русскомъ языкѣ; но распоряженій со стороны финляндскихъ властей никакихъ не послѣдовало доселѣ.

Въ послѣднее время стали возникать недоразумѣнія по причинѣ различія требованій общежительнаго монастыря и—финскихъ законовъ. Добровольно поступающіе въ обитель послушниками, для пріученія себя къ монашеству, и почему либо не выносящіе строгаго режима монастырской жизни, добровольно же и оставляютъ оную; и, какъ вообще во всѣхъ російскихъ монастыряхъ, съ ними поступаютъ отечески, снабжая въ дорогу по силѣ возможности. По финскимъ же законамъ имъ должно быть уплачено за все прожитое время; прибрежные жители прекрасно знаютъ это недоразумѣніе и, желая досадить монастырю, нерѣдко охотно наущаютъ покинувшихъ обращаться въ ихъ мѣстные суды и даже съ удовольствіемъ идутъ въ свидѣтели, и пишутъ имъ жалобы на финскомъ языкѣ. Судьи же, руководствуясь дѣйствующими въ Финляндіи шведскими лютеранскими законами, стали присуждать въ пользу такихъ истцовъ; и хотя монастырь пишетъ отзывы на неправильность такихъ рѣшеній, но отзывы этихъ во вниманіе вовсе не принимаютъ, а требуютъ личнаго присутствія и объясненія на финскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего монастырь попадаетъ прямо въ безвыходное положеніе: — по русскимъ законамъ монахъ не долженъ являться въ суды, по финскимъ же требуютъ.

Помимо всего этого всякая незначительная переписка съ гражданскими учрежденіями затрудняется непризнаваніемъ русскаго языка; а въ крайнемъ случаѣ, если и получается отвѣтъ, то опять или на финскомъ или на шведскомъ языкѣ.

*) Должность соотвѣтствующая становому.

Все это тягостно отзывается на благосостояніи древней св. обители, попавшей въ столь невыгодныя условія существованія, да къ тому же еще два раза терпѣвшей полное отъ шведовъ раззореніе».

Дѣйствительно, положеніе здѣшнихъ нашихъ обителей нелегкое. Особенно горько именно то, что самое дорогое, что есть у насъ въ православіи—монастыри съ святыми мощами, чѣмъ красна Русь, это тоже отдано... лютеранскому финскому хозяйничанію, вмѣстѣ съ выдѣленіемъ въ Финляндію Выборгской губерніи... Поразительно, до какого слѣплого равнодушія дошли въ своемъ мягкосердіи тѣ, коимъ обязана эта печальная страница нашей исторіи!

Безправіе обителей ясно отражается хотя бы въ томъ, что очень многое зависитъ отъ того, кто стоитъ во главѣ Финляндіи: если онъ русскій по душѣ—легче; если онъ—представитель политики «завоеванія сердецъ», обители—опять терпят!

Теперь здѣсь—человѣкъ русскій, и положеніе дѣла измѣняется, какъ это видно изъ другой, помѣщаемой здѣсь же, замѣтки того же корреспондента.

Небывалое явленіе.

Корреспонденція.

«Въ этомъ 1910 году ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе въ Коневскомъ монастырѣ прошла замѣчательно спокойно.

Несмотря на большое прибытіе финновъ, пріѣхавшихъ на 16 лодкахъ, вмѣстимостью каждая около двадцати человѣкъ, не замѣчалось не только въ храмѣ нарушенія благолѣпія службы, но даже и на самомъ островѣ было очень спокойно. Такихъ удивительно тихихъ праздниковъ не запомнятъ и старожилы монастыря.

Разсыпанная по всему острову охрана изъ насельниковъ обители, совершенно бездѣйствовала; въ первый день Пасхи даже не всѣ пріѣхавшіе были и въ трапезѣ, а послѣ Божественной литургіи сразу же удалились съ острова.

Если бы продолжалось такое спокойствіе и на будущее время*), въ особенности въ приближающіеся лѣтніе храмовые праздники, то лучшаго и желать было бы нельзя.

Но что повліяло на такое удивительное явленіе? Трудно отвѣтить утвердительно. Сами ли финны пришли къ убѣжденію, что

*) Писано весной.

монастырь для нихъ много дѣлаетъ полезнаго; или же передвиженіе въ теченіе всей зимы Русскихъ войскъ по побережью Выборгской губ., съ заѣздами ихъ въ монастырскій домъ на Финскомъ берегу и даже переправою въ самый монастырь? Думается, скорѣе—послѣднее, потому что во всѣ времена и вездѣ бодрый и молодежавый видъ русскихъ воиновъ дѣйствовалъ замѣчательно охлаждающимъ образомъ на разгоряченные умы. Но несомнѣнно, кромѣ всего этого, вступленіе въ должность Генераль-Губернатора такого ревностнаго и рѣшительнаго защитника правъ русскихъ, какимъ является генераль-лейтенантъ Ф. А. Зейнъ, сразу же почувствовалось вездѣ въ Финляндіи, а въ частности и въ нашей св. обители. Дай, Господи, впредь жить еще болѣе спокойно, пока, наконецъ, не осуществится столь желанное возвращеніе къ Россіи Выборгской губерніи, а съ ней и здѣшнихъ нашихъ святыхъ обителей подъ кровъ родныхъ законовъ».

М. Ж.

Характерное письмо.

Однимъ изъ нашихъ корреспондентовъ любезно доставлено было въ редакцію печатаемое ниже (съ согласія автора его) письмо.

Пишущій—человѣкъ новый въ Финляндіи, слѣдовательно не предубѣжденный; а частная, личная цѣль письма еще болѣе говорить и за искренность, а главное—за правду содержанія. Поэтому мы рѣшили подѣлиться имъ съ читателями, скрывъ имена лицъ и мѣстностей.

«Святая цѣль миссіонерскаго служенія... Я всетаки не въ полной мѣрѣ понималъ эту «святую цѣль»; ибо, чтобы понять все надлежащимъ образомъ, нужно было видѣть не отвлеченныя понятія «карель», «финнъ», а подлинныхъ людей, со всѣмъ укладомъ ихъ жизни: съ вѣрою, языкомъ, правами и обычаями; нужно было видѣть и самому на себѣ испытать ихъ отношенія къ русскимъ и всему русскому; нужно было хоть отчасти познакомиться съ ихъ прошлою историческою жизнью. Не гадательно, не изъ разсказовъ другихъ лицъ, а своими собственными глазами «лицомъ къ лицу», я и сталъ знакомиться съ финнами и карелами на слѣдующій же день, когда выѣхалъ изъ . . . на почтовыхъ по направленію къ . . . Путь длинный, болѣе ста верстъ. Три четверти пути я не слышалъ ни одного русскаго слова; всюду сопровождали меня косые, враждебные взгляды; всюду на станціяхъ приходилось задерживаться, вслѣдствіе пренебрежительнаго отношенія къ рус-

скому православному священнику со стороны содержателей станцій. Бывало даже и такъ, что прїѣзжаетъ на станцію кто-либо изъ нерусскихъ позднѣе, чѣмъ прїѣхалъ я, — ему подаютъ лошадей тотчасъ-же, а мнѣ снова приходится ждать и просить. И только тогда, когда путь мой уже приближался къ концу, начался изрѣдка на станціяхъ слышаться родной языкъ, — въ жилищахъ появляются св. иконы, и даже изображенія Государя Императора и Его Августѣйшаго Семейства; лица жителей болѣе привѣтливы, открыты и добродушны, почти тѣ-же русскія. Это началась «православная Карелія». Прїѣзжаю въ село . . . , мѣсто своего служенія. Все мнѣ здѣсь понравилось: и церковь (новая и уютная), и мѣстоположеніе, и народъ — простой, сердечный и довѣрчивый, какъ дитя. И если-бы не агитаторы — ненавистники всего русскаго, — особенно въ лицѣ финскихъ учителей, которые вытравляютъ изъ этого милаго народа, живущаго по благочестивой старинѣ, все лучшее, а главное — благожелательное отношеніе къ Россіи и русскимъ, — то лучшаго ничего-бы и желать не нужно. Но агитаторы сдѣлали уже многое: почти вся молодежь, кромѣ небольшой горсти, обучающейся и обучавшейся въ русской министерской школѣ, не говоритъ по-русски, тогда какъ всѣ старики прекрасно владѣютъ русскою-рѣчью. Многое и очень многое хотѣлось-бы еще написать вамъ, но размѣры простого письма не позволяютъ мнѣ этого сдѣлать. Кончаю до слѣдующаго раза».

Благодатная помощь Св. Великомученика Пантелеймона.

Въ прошломъ году съ Аэона присланы были въ Карелію двѣ большихъ иконы — Божіей Матери Одигитріи и Св. Вел. Пантелеймона. Первая предназначена была въ Салми, а другую отнесли на рукахъ (около 50 верстъ) въ Колать-сельгу (Олонец. губ.). И вотъ Господь не оставляетъ прибѣгающихъ къ Нему чрезъ святыхъ ходатаевъ за помощью. Батюшка Колатсельгскій, о. Василій Остроумовъ, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующіе два случая чудеснаго исцѣленія.

«Угодникъ Божій не оставляетъ Карелію своею милостію и укрѣпляетъ въ нихъ вѣру христіанскую. — Матушка Ведлозерская — вдова Анна Ивановна Минорская — была у насъ и передавала слѣдующій случай благодатной помощи Угодника дочери крестья-

нина Куннозера Михаила Яковлева. Послѣдній самъ разсказывалъ все это о. Петру Малинину и другимъ на страстной недѣлѣ.— У Яковлева дочь болѣла глазами годъ; мать съ нею 10 недѣль жила въ больницѣ въ г. Петрозаводскѣ, и послѣ того онѣ были отправлены домой докторами безъ надежды на выздоровленіе. Родители были въ большомъ горѣ: дочь одна, и та убогая. Въ этомъ горѣ они въ одинъ вечеръ предъ сномъ стали усердно молиться Господу: «Господи, ради Животворящаго Креста, укажи, къ кому обратиться за помощію». И въ эту же ночь отецъ увидѣлъ во снѣ молодого Воина,—который возвѣстилъ о себѣ, что Онъ Пантелеймонъ, а для исцѣленія велѣлъ сходить въ Колать—сельгу къ образу, и кромѣ того—просить еще помощи у какой то Жены, которая стояла подальше съ платкомъ на головѣ: «Она,—говорить,—сильнѣе меня».—Послѣ этого все семейство стало молиться угоднику,—и дѣвочка чрезъ три недѣли стала совершенно почти здорова, лишь на одномъ лѣвомъ глазѣ осталось самое малое бѣлое пятно. Родители и исцѣленная отправились въ Колать-сельгу, гдѣ и отслужили молебенъ Угоднику и Божіей Матери, горячо благодаря за чудесную помощь».

Послѣ батюшка сообщалъ (въ письмѣ) другой случай.

«19-го іюня (с. г.) въ числѣ паломниковъ въ Колать-сельгу прибылъ и отецъ Дмитрій Островскій. При весьма большомъ стеченіи народа мы съ нимъ служили 20-го числа. Это былъ первый паломникъ изъ духовенства Олонецкой Епархіи, стеченіемъ народа со всей Кареліи онъ былъ крайне удивленъ. Онъ говоритъ, что о такомъ положеніи дѣла въ Колать-сельгѣ никто въ Петрозаводскѣ и не слыхалъ. Въ Ведлозерѣ ему разсказывали и о благодатной помощи Св. Угодника сами получившіе исцѣленія. Вчера въ Колать-сельгу пріѣзжалъ изъ за Олонца, за 150 верстъ съ деревни Новинки, крестьянинъ Иванъ Стефановъ Исаевъ, поблагодарить Угодника за поданную милость. Онъ говоритъ, что сынъ его, мальчикъ Стефанъ, былъ очень боленъ, болѣзнь до того усилилась, что мальчикъ въ теченіи пяти недѣль не ѣлъ, не пилъ и все стоналъ. Услышалъ я, говоритъ онъ, объ Угодникѣ Божіемъ Пантелеймонѣ въ Колать-сельгѣ, сталъ молиться, и послѣ молитвы мальчику сразу стало лучше, а черезъ недѣлю онъ совершенно выздоровѣлъ, и вотъ я съ нимъ и пріѣхалъ поблагодарить Угодника. Итакъ, Угодникъ милость свою подаетъ все больше и больше по Кареліи. Обо всѣхъ слышанныхъ милостяхъ я упомянулъ сегодня народу въ своемъ поученіи».

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Закладка новаго лѣтнаго храма въ мѣстности „Пухтула гора“.

Въ концѣ минувшаго года дачевладѣльцы и дачники мѣстности «Пухтула-гора», что близъ станціи Турисево, финляндской жел. дороги, обратились къ Высокопреосвященному архіепископу Сергію съ просьбою о разрѣшеніи имъ построить въ названной мѣстности храмъ для отправленія въ немъ богослуженій въ воскресные и праздничные дни дачнаго времени. С.-Петербургскій купецъ Василій Александровичъ Сидоровъ и его супруга Татьяна Андреевна пожертвовали подъ постройку церкви участокъ земли, размѣромъ въ 1111,13 квадр. сажень; сверхъ того тотъ же купецъ Сидоровъ обѣщался выполнить всѣ земляныя работы по поставкѣ фундамента. Дачевладѣлица М. Ф. Артемьева пожертвовала для будущей церкви иконостасъ съ живописными образами, изготовленный въ ея иконостасно-столярной мастерской. С.-Петербургскій коммерціи совѣтникъ Н. Д. Полежаевъ съ супругою, независимо отъ сдѣланныхъ ими значительныхъ денежныхъ взносовъ, приняли на себя заботу о внутреннемъ устройствѣ храма. Къ апрѣлю сего года было собрано на постройку храма среди мѣстныхъ дачевладѣльцевъ и дачниковъ около 6.000 рублей, а вся постройка храма по смѣтѣ архитектора И. А. Претро будетъ стоить 7.371 руб. 20 к.

Въ маѣ текущаго года Епархіальнымъ Начальствомъ дано разрѣшеніе приступить къ постройкѣ храма въ означенной мѣстности по планамъ, утвержденнымъ Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ.

Съ благословенія Высокопреосвященнаго архіепископа Сергія 13-го іюня совершена закладка новаго храма. Храмъ будетъ выстроенъ въ честь Успенія Божіей Матери и будетъ приписнымъ къ Райволовской Николаевской церкви.

Въ заботахъ объ укрѣпленіи своего тѣла здоровымъ финляндскимъ воздухомъ петербургскіе дачевладѣльцы и дачники не забыли и о своей душѣ, послѣдняя будетъ назидаться высоко-художественными и поучительными пѣснопѣніями въ православномъ храмѣ.

О передачѣ древняго образа Нерукотвореннаго Спаса изъ Кексгольмскаго собора въ церковь Кексгольмскаго полка.

Вслѣдствіе исполнившагося 200-лѣтія службы лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго, Императора Австрійскаго, полка, согласно ходатайству предсѣдателя комиссіи по ознаменованію 200-лѣтняго юбилея полка,

Финляндскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено передать сему полку ко дню его юбилея хранившійся въ Кексгольмскомъ соборѣ древній образъ Христа Спасителя, найденный, какъ показываетъ самая надпись на образѣ, въ Кексгольмской крѣпости въ 1710 году, при взятіи сей крѣпости. Образъ будетъ храниться въ церкви названнаго полка, какъ особо чтимая полковая святыня, напоминающая полку славное его прошлое, связанное съ великимъ именемъ Императора Петра I, въ рядахъ арміи котораго Петровскіе гренадеры, нынѣ л.-гв. Кексгольмскій полкъ, проливали свою кровь за Вѣру, Царя и Отечество.

Настоятелю Кексгольмскаго собора, священнику І. Аннинскому поручено Епархіальнымъ Начальствомъ представить образъ Высокопреосвященному Архіепископу Варшавскому и Привислинскому Николаю, который выразилъ согласіе взять на себя передачу полку (стоящему въ Варшавѣ) сего дара въ благословеніе отъ имени Кексгольмскаго православнаго собора.

9-го апрѣля Высокопреосвященнымъ Сергіемъ, Архіепископомъ Финляндскимъ и Выборгскимъ, преподано благословеніе съ грамотою діакону Салминской Николаевской церкви *Владимиру Толстохнову* за ревностное миссіонерское служеніе, засвидѣтельствованное синодальнымъ карельскимъ миссіонеромъ, Архимандритомъ Кипріаномъ, выразившееся въ поѣздкахъ по многимъ деревнямъ обширнаго Салминскаго прихода для отправленія богослуженій въ часовняхъ, какія разрѣшаются по уставу діакону, и для проповѣдыванія слова Божія на понятномъ народу карельско-финскомъ языкѣ.

13-го іюня сего года настоятель Салминской Николаевской церкви священникъ *Константинъ Яковлевъ* Высокопреосвященнымъ Сергіемъ, Архіепископомъ Финляндскимъ и Выборгскимъ, награжденъ бархатною фіолетовою *скуфьею*.

О постройкѣ часовни въ дер. Мѣнчѣля Сердобольскаго прихода.

Въ іюнѣ текущаго года Финляндскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено жителямъ деревни Мѣнчѣля, Сердобольскаго прихода, построить въ названной деревнѣ деревянную часовню въ

видѣ храма на тотъ случай, что современемъ, быть можетъ, окажется возможнымъ обратить часовню въ церковь. Жители этой деревни братья А. И. и И. И. Спиридоновы предоставили мѣсто подъ постройку часовни.

Постройка часовни въ указанной деревнѣ весьма желательна:

1) въ виду значительнаго количества православнаго населенія въ Мѣнчѣля и ея окрестностяхъ, 2) за дальностью разстоянія дер. Мѣнчѣля отъ приходской церкви (18 верстъ) и неудобства путей сообщенія, такъ какъ Мѣнчѣля расположена на островѣ, и 3) въ виду того, что дер. Мѣнчѣля—одинъ изъ древнѣйшихъ православныхъ пунктовъ въ Карелии, въ которомъ раньше была часовня, а въ XVII вѣкѣ существовалъ если не монастырь, какъ о томъ свидѣлствуютъ шведскіе историческіе документы, то во всякомъ случаѣ скитъ или подворье монастырское, каковое сожжено во время войнъ Іоанна Грознаго со шведами.

Дерзкое кощунство.

Въ Великую Пятницу, вечеромъ, по окончаніи служившейся съ вечера утрени, во время производившейся священникомъ на лѣвомъ клиросѣ исповѣди, неизвѣстнымъ злоумышленникомъ былъ брошенъ въ южное окно алтаря Гангеской православной церкви камень, который, пробивъ стекла обѣихъ рамъ, къ счастью, не причинилъ дальнѣйшихъ поврежденій потому, что ударился о пріотворенную въ сторону рамы дверь алтарнаго чулана. Въ алтарѣ было темно и тамъ никого не было. Священникъ и присутствующія на исповѣди лица предполагали въ началѣ, что упалъ внутри самой церкви какой либо громоздкій предметъ и лишь по осмотрѣ алтаря замѣтили разбитое окно и подъ нимъ камень величиною съ гусиное яйцо. Присутствующими въ церкви злоумышленникъ не могъ быть обнаруженъ, вслѣдствіе сумерекъ и тумана, притомъ же онъ легко могъ сразу же скрыться въ лежащемъ по ту сторону дороги лѣсу. Полицейскимъ-же властямъ, немедленно извѣщеннымъ о происшедшемъ по телефону, благодаря энергичному разслѣдованію, удалось найти злоумышленника изъ мѣстныхъ финновъ, каковой гангескимъ ратгаузскимъ судомъ присужденъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію и уплатѣ убытковъ церкви.

Если принять во вниманіе, съ одной стороны, что описанный дерзкій поступокъ совершенъ финномъ и притомъ въ Великую Пятницу,—великій и святой день Православной Церкви; если съ другой стороны принять во вниманіе, что поджоги церквей истребили въ недалекомъ прошломъ двѣ православныхъ церкви въ селѣ

Тіурула и деревнѣ Полвіярви, то все это не свидѣтельствуєтъ-ли краснорѣчиво о недоброжелательномъ отношеніи мѣстныхъ финновъ лютеранъ къ лицамъ православнаго греко - російскаго исповѣданія?

25-лѣтній юбилей пастыря.

11-го мая въ Красномъ Селѣ, Выборгской губерніи, прихожане красносельской Срѣтенской церкви, съ разрѣшенія архіепископа выборгскаго и финляндскаго, высокопреосвященнаго Сергія, чествовали своего духовнаго пастыря о. Захарію Земляницына по поводу исполнившагося 25-лѣтія его служенія въ приходѣ.

По случаю дня памяти свв. Кирилла и Меодія, въ этотъ день въ храмѣ совершалась литургія, къ которой прибыли многіе прихожане, учащіе и учащіяся всѣхъ трехъ русскихъ народныхъ школъ прихода помолиться о здравіи своего пастыря и законоучителя, четверть вѣка потрудившагося въ небольшомъ русскомъ православномъ приходѣ, существующемъ со временъ Петра Великаго (съ 1711 года). По окончаніи литургіи въ храмѣ былъ прочтенъ привѣтственный адресъ и поднесена юбиляру икона Спасителя въ дубовомъ кіотѣ и серебряной ризѣ изящной работы. Кромѣ того, на скромную собранную лепту былъ приобрѣтенъ и поднесенъ юбиляру на его квартирѣ серебряный кофейный сервизъ въ роскошномъ футлярѣ.

Юбиларъ былъ глубоко тронутъ этими подношеніями и привѣтствіями и сказалъ въ отвѣтъ благодарственное слово.

По окончаніи Богослуженія, многіе были приглашены юбиляромъ въ домъ на обѣдъ. Дѣтямъ всѣхъ школъ были розданы гостинцы отъ юбиляра-законоучителя.

Въ подношеніи адреса и подарка принимали участіе многіе мѣстные дачевладѣльцы и купечество.

Въ адресѣ, составленномъ въ теплыхъ и сердечныхъ выраженіяхъ указаны всѣ выдающіеся случаи изъ жизни юбиляра и прихода. Упомянуто въ адресѣ и о потерѣ храма приходомъ отъ пожара въ 1894 г., и о построеніи прекрасной каменной церкви, благополучно завершенной постройкою въ 1908 г., о построеніи зданій трехъ народныхъ школъ въ приходѣ и особенно красносельской и новодеревенской, гдѣ о. Земляницынъ состоялъ предсѣдателемъ училищныхъ дирекцій болѣе 20 лѣтъ и теперь состоитъ

таковымъ въ дирекціи Паркинской школы. Упомянуто о его трудахъ и заботахъ о церкви, приходѣ и прочихъ заслугахъ. Юбиларъ получилъ много привѣтственныхъ поздравленій изъ столицы и др. мѣстъ Россіи отъ своихъ знакомыхъ и родственниковъ.

(Ф. Т.).

Приходское политиканство.

Газета «Рѣчь», въ № 124 текущаго года, выступая на защиту правовсго положенія Финляндіи, старается доказать несостоятельность мнѣнія объ угнетенномъ положеніи русскихъ людей въ Финляндіи и въ обоснованіе своего положенія приводитъ выдержку изъ отчета русскаго приходскаго попечительства въ Гельсингфорсѣ по поводу исполнившагося въ семь году сорокалѣтія его полезной дѣятельности. Указывая на то, что въ составъ попечительства входятъ въ настоящее время: предсѣдатель врачъ В. И. Леонтьевъ, члены — церковные старосты: Н. И. и А. И. Матросовы, протоіерей А. Косухинъ, священники Ировъ и Лисовскій, коммерсанты: Д. И. Титовъ, М. Я. Баякинъ, И. И. Фалинъ, Д. С. Смирновъ, М. И. Барановъ и В. Н. Шохинъ и кандидаты въ члены — полковникъ К. В. Самсоновъ и преподаватель В. С. Евстратовъ, принадлежность каковыхъ лицъ къ великорусской націи едва ли кто нибудь рѣшится заподозрить, названная газета отношеніе приходскаго попечительства къ злободневнымъ политическимъ событіямъ, выразившееся въ упомянутомъ отчетѣ попечительства, считаетъ за голосъ проживающихъ въ Гельсингфорсѣ русскихъ обывателей.

Въ отчетѣ значится. — «Въ настоящій моментъ попечительство имѣетъ за собою сорокалѣтнюю, спокойную, благополучную, полезную дѣятельность. Это сорокалѣтнее безпрепятственное развитіе русскаго православнаго учрежденія въ нашемъ краѣ можетъ служить яркимъ доказательствомъ неосновательности обвиненія, будто русскимъ въ Финляндіи нѣтъ житья. Какъ прискорбны, какъ оскорбительны эти обвиненія. И какъ несправедливы! Есть ли гдѣ либо на необъятномъ пространствѣ Россійскаго Государства градъ или весь, гдѣ имѣлось бы такое православное приходское попечительство, какъ въ главномъ городѣ Финляндіи, нашемъ Гельсингфорсѣ?.. Какія условія создали изъ посѣяннаго 40 лѣтъ тому назадъ добраго сѣмени прекрасное плодоносное дерево, которымъ наше попечительство, по справедливости, можетъ гордиться? Условія кроются въ финляндской почвѣ — суровой, но для благихъ начи-

наній — благопріятний. Это также несомнѣнно, какъ и то, что обновленная, вновь вспаханная русская земля со временемъ дастъ такіе же плоды, или еще болѣе прекрасные. Уваженіе къ закону, сознаніе гражданскаго долга, свобода слова, собраній и союзовъ — вотъ основныя условія финляндскаго быта съ древнихъ до послѣднихъ временъ. Уничтожьте эти условія, — и вся почва измѣнится! Настоящій моментъ, когда мы можемъ съ радостью оглянуться назадъ на пройденное нашимъ попечительствомъ сорокалѣтіе, — вмѣстѣ съ тѣмъ и тревожно-печальный моментъ. Финляндская, благопріятствовавшая и нашей дѣятельности, почва колеблется. Законности и свободѣ, подѣ сѣнію которыхъ развивалось и наше дерево, грозитъ опасность разрушенія. Это разрушеніе можетъ постигнуть и нашу приходскую ниву въ той же мѣрѣ, какъ и всю финляндскую почву. Немыслимо даже, чтобы часть могла сохранить благополучіе, если цѣлое придетъ въ разстройство: чтобы «злые коршуны» пощадилі нашу приходскую самостоятельность, если имъ представится возможность истребить весь правовой строй Финляндіи»...

Вотъ что думаютъ и говорятъ о правовомъ положеніи Финляндіи заинтересованные въ дѣлѣ «русскіе обыватели» изъ Гельсингфорса. Какъ кстати такой отзывъ для защитниковъ правъ Финляндіи! И недаромъ онъ появляется на страницахъ «Рѣчи» и передовою статьею въ № 9 журнала «Финляндія» — органа Мехелина, Милюкова и Ко.

Ликованіе означенныхъ печатныхъ органовъ, къ сожалѣнію для нихъ, слѣдуетъ признать преждевременнымъ.

Вышеписанная выдержка изъ отчета была прочитана и заслушана на приходскомъ по дѣламъ попечительства собраніи 2-го (15-го) мая сего года. На собраніи присутствовало всего десять человѣкъ: предсѣдатель попечительства, три члена попечительства, два кандидата къ нимъ и четыре прихожанина. Ни одного изъ священнослужителей православнаго гельсингфорскаго прихода на означенномъ собраніи не присутствовало. Не было на собраніи и многихъ другихъ членовъ приходскаго попечительства изъ перечисленныхъ выше газетою «Рѣчь», а двое изъ нихъ уже умерли; Барановъ и Титовъ. Присутствовавшіе на собраніи прихожане — всѣ пользуются правами финляндскаго гражданства. Прихожанъ изъ русскихъ гражданъ на означенномъ собраніи никого не было; да они, согласно уставу русскаго приходскаго попечительства въ Гельсингфорсѣ (ст. 7 общ. прав.), и не пользуются правомъ быть избираемыми въ члены попечительства, ни присутствовать на приходскомъ собраніи по дѣламъ попечительства.

Такимъ образомъ постановленіе собранія отъ 2-го (15) мая

сего года отнюдь не может быть названо голосомъ проживающихъ въ Гельсингфорсѣ и Финляндіи безправныхъ русскихъ обывателей, а только мнѣніемъ нѣсколькихъ русскихъ, принявшихъ финляндское гражданство прихожанъ; послѣдніе, какъ финскіе граждане, конечно пользуются въ Финляндіи правами наравнѣ съ финнами. Смѣшивать проживающихъ въ Финляндіи русскихъ людей съ русскими, принявшими финляндское гражданство, никакъ нельзя; первые по прежнему до сихъ поръ остаются безправными, на приходскомъ собраніи 2-го (15-го) мая сего года не присутствовали и въ хвалебномъ гимнѣ Финляндіи не участвовали.

Кромѣ того самое постановленіе собранія, о которомъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ признать незаконнымъ и проведеннымъ втихомолку.

Вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію на попечительскомъ собраніи, перечислены въ уставѣ попечительства (ст. 4) и касаются только чисто церковно - приходской жизни и благотворительной дѣятельности, а приходское собраніе можетъ рѣшать только вопросы, разсмотрѣнные предварительно и подготовленные попечительскимъ собраніемъ и объявленные чрезъ газеты и въ церквахъ къ докладу и утвержденію приходскаго собранія. Затронутый же газетою «Рѣчь» политическаго характера вопросъ не разсматривался предварительно на попечительскомъ собраніи, не объявлялся ни въ церквахъ, ни въ газетахъ, а слѣдовательно, согласно уставу (ст. 8), не могъ быть рѣшаемъ на приходскомъ собраніи. Нѣкоторые изъ членовъ попечительства узнали объ этомъ постановленіи собранія только изъ газеты «Рѣчь». Большинство собранія поэтому и не считаетъ, — какъ выяснилось изъ послѣдующихъ бесѣдъ съ участниками собранія, — изложеннаго въ «Рѣчи» — постановленіемъ собранія, а лишь мнѣніемъ меньшинства, 2—3 человекъ съ всѣмъ извѣстной политической окраской, каковое мнѣніе въ концѣ собранія было прочитано и выслушано присутствовавшими молча, безъ единого возгласа одобренія.

Мнѣніе двухъ трехъ русскихъ, принявшихъ финляндское гражданство, можетъ ли быть принято за голосъ проживающихъ въ Финляндіи русскихъ людей?

Естественно, корреспонденція газеты «Рѣчь» вызвала немалое смущеніе, вполне понятное неудовольствіе и справедливое негодованіе у закинутыхъ на окраину русскихъ людей, вслѣдствіе того, что голосъ 2—3 человекъ былъ выданъ за голосъ русскихъ людей, проживающихъ въ Финляндіи и до сихъ поръ ждущихъ себѣ правъ, каковыя права давно заслужены кровію ихъ предковъ.

Хочется сказать еще нѣсколько словъ по поводу политическаго выступа нѣкоторыхъ членовъ православнаго Гельсингфорскаго прихода. Если они развитіе и процвѣтаніе своего приходскаго по-

печительства ставить въ зависимость отъ финляндской почвы, отъ финляндскихъ свободъ, то почему на финляндской «благопріятной» почвѣ не процвѣтають приходскія учрежденія въ другихъ городахъ Финляндіи: въ Выборгѣ, Або, Сердоболѣ, Коткѣ и другихъ? Выборгскій православный приходъ существуетъ уже 200 лѣтъ, дольше Гельсингфорсскаго, имѣетъ разнаго рода приходскія благотвори- тельныя учрежденія: попечительный комитетъ о русскихъ бѣдныхъ г. Выборга, богадѣленскій комитетъ, библіотечный комитетъ, пѣв- ческій и другіе; тѣмъ не менѣ капиталы всѣхъ его учреждений къ 1 января 1910 года составляли не болѣе 26.500 рублей. А благотворительныя учрежденія въ другихъ городскихъ православныхъ приходахъ Финляндіи или не существуютъ или же находятся въ зачаточномъ состояніи. Почему «благопріятная» финляндская почва не выраститъ благотворительныхъ приходскихъ учреждений, подоб- ныхъ Гельсингфорскому въ г.г. Выборгѣ, Або, Коткѣ и другихъ? Думается, просто потому, что въ Выборгѣ и другихъ городахъ Финляндіи не было и нѣтъ, или было очень мало, такихъ состоятель- ныхъ русскихъ людей, какими, по счастливой случайности, богатъ гор. Гельсингфорсъ. Имена г.г. Синебрюховыхъ, Рѣзвого, покойнаго коммерціи совѣтника Чернышева извѣстны всему русскому насе- кенію Финляндіи. Эти православно-русскіе люди воочію видѣли слабость православно-русскаго дѣла на финляндской окраинѣ, и въ частности въ Гельсингфорсѣ, понимали, какое важное значеніе для дѣла будутъ имѣть въ будущемъ разнаго рода благотворительные денежные фонды, и въ обезпеченіе успѣха православно-русскаго дѣла дѣлали значительныя пожертвованія. Честь и слава—живымъ за это и вѣчная память—умершимъ! Не похвалили бы они своихъ теперешнихъ преемниковъ за подобный оборотъ дѣла!

Напрасно наконецъ думаютъ, составители отчета, что попечи- тельство, подобное Гельсингфорскому, возможно только на финлянд- ской почвѣ. Въ столицахъ, городахъ и селахъ Россіи есть немало приходскихъ попечительствъ, и несомнѣнно есть такія, которыя по своему движимому и недвижимому имуществу, а также и дѣятель- ности не уступаютъ Гельсингфорскому, хотя функціонируютъ и въ атмосферѣ «злыхъ коршуновъ». М.

Грустно и больно, что сепаратистическое политиканство про- никаетъ даже въ такія чисто христіанскія учрежденія, каковы приходскія попечительства. Неужели всѣмъ этимъ дѣятелямъ мало разнуданныхъ газетъ, митинговъ и пр.?.. А еще говорить о «при- ходской единицѣ»! Если такіе будутъ члены приходскаго совѣта, (а сыны вѣка сего всегда мудрѣ сыновъ свѣта и болѣе дерзки въ захватъ вліянія), то къ существующимъ бѣдамъ отъ разныхъ сою- зовъ прибавится еще новая и м. б., самая худая, и вмѣсто «единицы» получится одинъ раздоръ.

Ред.

Къ разрѣшенію Теріокскаго церковнаго вопроса.

Согласно состоявшимся за послѣднее время опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода, изъ полученной страховой преміи за сгорѣвшую приходскую церковь въ Теріокахъ, въ количествѣ 43.000 рублей, будетъ выдѣлено 15.000 рублей на постройку церкви-памятника на мѣстѣ прежняго сгорѣвшаго храма въ молитвенную память о Дурдиныхъ, создателяхъ перваго православнаго храма въ Теріокахъ. При этомъ самый храмъ будетъ посвященъ въ честь святыхъ, имена которыхъ носили первые храмосоздатели Андрей Ивановъ и Марія Исидорова Дурдины. Для веденія дѣла постройки означеннаго храма приходскимъ собраніемъ будетъ образована съ утвержденія Его Высокопреосвященства особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ, также съ утвержденія Его Высокопреосвященства, лица, избраннаго членами коммиссіи изъ своей среды; причемъ въ составъ коммиссіи, кромѣ членовъ по избранію и приходскихъ священно-церковнослужителей, долженъ быть приглашенъ и представитель рода Дурдиныхъ. Строительной коммиссіи будетъ предоставлено, съ согласія приходскаго собранія, избрать тотъ или другой планъ съ такимъ расчетомъ вмѣстимости (на 300 человѣкъ, болѣе или менѣе), какой окажется возможнымъ по состоянію средствъ—какъ вышеупомянутыхъ 15.000 рублей, такъ и другихъ, могущихъ поступить въ качествѣ пожертвованій.

Кромѣ того Святѣйшимъ Синодомъ постановлено, что со стороны Синода не встрѣчается препятствій къ тому, чтобы одновременно было приступлено къ постройкѣ каменной приходской церкви на новомъ мѣстѣ, если по усмотрѣнію Финляндскаго Епархіальнаго Начальства къ этому представляется нынѣ, по состоянію церковныхъ средствъ, возможность; причемъ изъ страховой преміи за сгорѣвшую Теріокскую церковь на постройку новой каменной церкви выдѣлено 28.000 рублей.

Наконецъ-то, повидимому, разрѣшается такъ долго и скорбно тянувшійся вопросъ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ былъ перенесенъ на страницы газетъ. Къ сожалѣнію, сообщалось (что нынѣ нерѣдко) много ложнаго, завѣдомо извращеннаго (напр. о задержаніи будто бы синодскихъ указовъ и пр.). Печальнѣе всего то, что въ этомъ святомъ дѣлѣ вмѣшались страсти человѣческія. Забывать стали люди, что кромѣ суда человѣческаго есть еще и судъ Божій! Дай Богъ, чтобы хоть теперь все кончилось во благо Св. Церкви.

Свѣтлые дни для Кареліи.

Въ концѣ іюня Финляндскій Генераль-Губернаторъ Ф. А. Зейнъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ восточную часть Финляндіи—Карелію *). Начавъ съ Валаамской обители, онъ проѣхалъ приходы Манчинсаарскій, Салминскій, Маншильскій, Питкярантскій. Затѣмъ посѣтилъ города Сердоболь, Іоэнсу, Нейшлотъ, Вильманстрандъ и Выборгъ.

Карельское населеніе, — повидимому впервые за всю свою исторію видѣвшее высшаго представителя Царской Власти на этой окраинѣ, притомъ же относившагося съ такой простой и сердечной внимательностью къ ихъ наболѣвшимъ нуждамъ,—повсюду встрѣчало Генераль-Губернатора самымъ восторженнымъ образомъ и съ неподдѣльной радостью.

Наконецъ - то, сама русская власть (а черезъ нее, можетъ быть, и русское общество, и «власть имущіе») воочію убѣдилась и въ преданности карель Русскому Царю, и ихъ дѣтской простотѣ, и любви, и вѣрности Св. Православной церкви, и крѣпости русскихъ бытовыхъ устоевъ, коихъ не успѣла еще вытравить финско-лютеранская пропаганда. Увидѣла русская власть и горькія нужды карель: недостатокъ русскихъ школъ, вредъ финской пропаганды для Св. Православія и преданности Россіи и пр. и пр.

Настоящая поѣздка Генераль-Губернатора заронила въ души карель глубокую надежду на лучшее будущее во всѣхъ областяхъ.

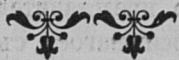
И—прибавимъ съ вѣрой—надежда не обманетъ! За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ!

Дѣтское торжество.

27—30 іюня Совѣтомъ Карельскаго Братства было организовано паломничество на Валаамъ школьниковъ финскихъ и русскихъ народныхъ дѣтскихъ училищъ изъ 4-хъ береговыхъ карельскихъ приходовъ на средства, пожертвованныя Генераль-Губернаторомъ Ф. А. Зейномъ. Всего собралось до 600 мальчиковъ и

*) Подробности напечатаны будутъ въ слѣдующемъ номерѣ.

дѣвочекъ. Это паломничество оставило у всѣхъ участниковъ, особенно у дѣтокъ, глубокое и прекрасное впечатлѣніе своею необычайной торжественностью, ласковымъ приѣмомъ, величественнымъ богослуженіемъ. (Подробности въ слѣд. выпускѣ). Дѣтвора надолго запомнить этотъ ихъ школьный праздникъ, а можетъ быть, и на всю жизнь сохранить отрадные воспоминанія и чувства благодарности къ виновникамъ ихъ дѣтскаго торжества.

Редакторъ Свящ. **І. Свѣтловскій.**

Редакція «Сборника»,—въ цѣляхъ болѣе скорого появленія и большаго разнообразія слѣдующаго выпуска «Сборника», —покорнѣйше просить всѣхъ сочувствующихъ изданію лицъ не отказать—**направлять матеріалъ къ слѣдующему выпуску** съ возможной поспѣшностью по указанному въ объявленіи о Сборникѣ адресу.

Редакція Сборника.

Православный Финляндскій Сборникъ

будетъ выходить не менѣе четырехъ разъ въ годъ по слѣдующей утвержденной Св. Синодомъ программѣ:

I. СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ ПРАВОСЛАВНАГО ВѢРО- И ПРАВОУЧЕНІЯ (раскрытіе истинъ Православія, особенно въ виду лютеранства съ его разными и преимущественно мѣстными сектами);

II. ПРОПОВѢДИ — (оригинальныя и изъ другихъ изданій, въ особенности катихизическаго и миссіонерскаго содержанія).

III. ПРАВСТВЕННЫЕ УРОКИ ИЗЪ ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ, ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ и вообще НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

IV. СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ МѢСТНОЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ФИНЛЯНДІИ И КАРЕЛИИ, запросы и нужды правосл. миссія, школы, прихода, паствы, духовенства и т. под., обзорѣніе инославія и сектантства въ ихъ отношеніи къ Православію, особенно въ Карелии.

V. СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ О СУДЬБѢ ПРАВОСЛАВІЯ НА РУССКОМЪ СѢВЕРѢ ВОООЩЕ, И ВЪ ЧАСТНОСТИ ВЪ КАРЕЛИИ, труды и подвиги св. подвижниковъ-просвѣтителей Сѣвера. Исторія сѣверныхъ въ особенности карельскихъ и финляндскихъ монастырей, церквей, часовенъ и всякіе слѣды православія, разсѣянныхъ среди пнородцевъ и инославныхъ.

VI. ХРОНИКА И ИЗВѢСТІЯ ПО ЕПАРХІИ, распоряженія Епарх. Начальства, дѣятельность братства, приходская жизнь, инославіе и т. д.

VII. ВЫДАЮЩИЯСЯ СОБЫТІЯ И МѢРОПРІЯТІЯ СОСѢДНИХЪ ЕПАРХІЙ, Олоонецкой, Архангельской, С.-Петербургской и др.

VIII. ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ русской и мѣстной преимущественно по вопросамъ мѣстной православной церк.-обществ. жизни, а также по Карельскому вопросу.

IX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ, ЗАМѢТКИ, ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. Въ каждомъ отдѣльномъ выпускѣ необязательно имѣть всѣ перечисленные отдѣлы программы.

Сборникъ будетъ издаваться на русскомъ языкѣ, но будутъ помѣщаться статьи и на финскомъ и карельскомъ языкахъ съ экстрактомъ или полнымъ переводомъ на русскій языкъ, смотря по возможности и степени интереса.

Въ качествѣ приложенія по мѣрѣ возможности Редакція предполагаетъ со временемъ издавать Сборникъ проповѣдей на финскомъ и карельскомъ языкахъ.

Подписная цѣна 1 рубль въ годъ.

Цѣна отдѣльнаго выпуска 1 марка (37½ коп.).

Ясно поставивъ себѣ задачею служить, по мѣрѣ своихъ силъ, строго-православному а отчасти и русскому вообще — дѣлу на Финляндской окраинѣ, Редакція съ готовностью въ то же время общается давать на страницахъ Сборника **мѣсто всякому православно-церковному искреннему и свободному обсужденію** вопросовъ, входящихъ въ программу изданія.

Всякія статьи, сообщенія и корреспонденціи, назначаемыя къ помѣщенію въ изданіи, **просятъ адресовать:** или Редактору Сборника — гор. Нейшлотъ или Редакціи «Пр. Финл. Сборника» — Выборгъ, Архіерейскій Домъ.

Подписные взносы и денжныя отправленія адресовать:

«Редакціи Православнаго Финляндскаго Сборника»

Выборгъ, Канцелярія Финл. Архіепископа.

Редакторъ священникъ **Тригорій Свѣтловскій.**